

ЖИТИЕ СВ. ГОДРИКА, ОТШЕЛЬНИКА ФИНЧЕЙЛЬСКОГО

Инок Гальфрид

Пер. с лат. *Godricus Eremita, Finchalæ in Anglia (S.), Vita auctore Galfrido monacho coævo*
// AASS Maii T. V. pp. 70-85

В переводе Константина Чарухина

ПРОЛОГ

[1] Возлюбленным во Христе господам – приору Фоме и братьям, пребывающим в Финчейле, – Гальфрид, их в Господе сослужитель, с пожеланием вечного во Христе спасения.

Просит меня, а скорее, понуждает любовь ваша кратко описать святыя труды досточтимого отца вашего Годрика, ибо сжатое изложение скорее удовлетворит пожелания тех читателей, кого более пространный трактат о чудесах его, написанный монахом Регинальдом, отвращает своей длиною – ибо не мякина нужна для теста, а зерно. Хотя и боялся я позорного ярлыка – ведь иные сказали бы, что я серпом своим жну чужой урожай и добиваюсь славы, облачившись в плащ, расцвеченный крадеными красками, – но сделал это, ибо не смог пренебречь настоящей просьбой столь многих. Кроме того, я же не порицаю чужое, как сторонний наблюдатель, но, как сотрудник, подтверждаю.

Некий брат предоставил мне кое-какие заметки о деяниях одного отца, написанные благой памяти Германом, приором обители Даремской. И поскольку оказалось, что они во многом не согласуются с книгой Регинальда, я изменил кое-что из написанного ранее и кое-что добавил. Ибо я решил, что наипаче следует верить тому, кого святой муж, высоко ценя благую жизнь его, считал своим близким другом, а по причине высоты суждений его и тесного, благодаря частой исповеди, знакомства, почитал духовным во Христе отцом своим. О том же свидетельствует и Герман, написавшие следующее: «О сколько дивного для слуха моего источали его уста! Сколько тайн своих сокровенных он при частых беседах открывал мне в хвале вседостойной! Многое ведомо мне, что от других утаилось. Мы были так близки, что я словно бы почивал на лоне его».

Итак, выбрав кое-что из обеих охапок, я составил один букет, отдавая предпочтение тому, что и народной вере отвечает, и наиболее правдоподобно. Ну а наблюдательный читатель может заметить, что то, чего явно не хватает у Регинальда, обязательно найдётся в записках Германа (имя каждого из них я ставил, как знак на челе, перед соответствующим отрывком), поскольку более полное видение даёт история двусторонняя, подкрепляемая показаниями двоих.

Теперь вам решать: что добавить, восполняя недосказанное, а что, при излишке слов, подрезать.

[2] Встретились мы с Годриком, когда я был малым дитятей, а он – великим старцем, и воспоминание о том свидании услаждает душу. Росточка он был скромного, зато дух его высился до небес. Волосы его, в молодости чёрные, старость усыпала ангельским серебром; лоб у него был широкий, глаза – серые, косматые брови почти соединялись; лицо имел продолговатое, нос длинный, бороду густую, изящный рот, полные красные губы. Плечи у него обвисли, а живот впал, ибо изнуряло его бремя подвига, но прочие члены его тела были в порядке, так что благодаря крепости сил и ловкости движений, он при довольно низком росте производил благообразное впечатление.

Подвизался он всегда под руководством приоров Дарема. Наипаче избегал он порока человеческой самонадеянности, а потому следовал не своим, а прежде всего чужим распоряжениям. Ибо он был монахом Дарема, где провёл шестьдесят лет в уединении, а почил, будучи стар и насыщен днями, в своей деревне Финчейл, и чудесные деяния, каковые творил при жизни, не прекращает являть и после смерти.

ГЛАВА I. РОЖДЕНИЕ, ТОРГОВЫЕ ЗАНЯТИЯ, ПУТЕШЕСТВИЯ, ОТШЕЛЬНИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В УОЛСИНГЕМЕ И ПОСЛЕДУЮЩЕЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В ФИНЧЕЙЛ

[3] РЕГИНАЛЬД: Досточтимый Господень исповедник Годрик родился, как говорят, в графстве, называемом Норфолк. Отец его Айлвард и мать Эдвен были людьми бедными и простыми, но отличались христианским благочестием. Детские годы Годрика прошли дома, а в юности, набравшись ума-разума, захотел он изведать мир и, обучившись купеческому делу, заняться торговлей, стяжая богатства земные. Объехав ряд деревень и городов, он стал до того успешен, что ростом наживы своей превзошёл сотоварищей, а с торговых доходов обеспечил не только себя, но и родителей.

И вот однажды, отправившись на промысел в место, именуемое Уэллестрем (совр. р. Уэлленд, впадающая в Уош, залив Северного моря на восточном побережье Великобритании, – прим. пер.), он вышел к морскому берегу. В то время отлив обнажил четыре мили песка, прилежно исследовав какое пространство, Годрик нашёл трёх дельфинов и, отрезав ножом от одного из них, что оказался мёртвым, несколько кусков, заторопился обратно. Однако, несмотря на спешку, прилив помешал ему: волны достигли сначала щиколоток, затем колен, потом бёдер и, наконец, покрыли его с головой... И дивным образом он воспротивился водам: одолев под натиском хляби более мили, целый и невредимый добрался с добычей до того самого места, откуда спускался к отдалённому морскому заливу; и как нельзя лучше подошло ему оное речение пророка: «Бездна окружила меня, и море покрыло голову мою» (ср. Вульг. Ион. 2:6). И правда, среди множества опасных бурь малодушию никогда не удалось свергнуть его с вершин веры, и напротив – в опасностях от разбойников, в опасностях на море, опасностях в путешествии, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне (ср. 2 Кор. 11:36) – он удостоился защиты силы божественной.

[4] Итак, проведя полных шестнадцать лет в торговле и плаваниях, Годрик добавил к купеческим трудам подвиг святого паломничества. Ибо, усердно посещая и почитая гробницы святых, помощь коих изведал в опасностях, он проникался склонностью не просто телесно взирать на их раки и мощи, но также слушать об их житиях и подвигах, а духовно – подражать стезе сердец их. Внезапно по наущению Духа страсть [к путешествиям], которая внешним наблюдателям представлялась обычным стяжательством, обратилась у него внутри в отвращение к земной суете и в устремление к добровольной бедности, и потянуло его к смиренной и простой монашеской жизни под образом мирским.

Дошло до того, что, творя милостыню, он избегал своих спутников, как врагов, согласно оному речению: «Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф. 6:3).

[5] Ходил он и в Рим – к порогам апостольским, и в Иерусалим держал путь. И разувшись, дабы совершить омовение в Иордане, ходил с тех пор босой до дня своего разрешения в вечности. А возвратившись оттуда в отечество и в дом отчий (ибо пока ещё не совсем оставил мир), он нанялся к некоему хозяину и заведовал всем его хозяйством. А были там у него некие соработники, которые по ночам промышляли чужих овец и крупный скот, а утром приносили мясо домой, как будто добытую дичь. Годрик однажды тоже попробовал кушанья их и, не обнаружив в нём ни малейшего привкуса дичи, уличил их в краже и обвинил в сквернейшем прегрешении против Господа своего. Сам он тоже приял епитимию и ради очищения от столь великого проступка отправился ко гробнице св. Эгидия, а затем постановил во второй раз посетить Рим. Когда мать узнала о таком его намерении, то вызвалась с разрешения мужа в спутницы сыну.

И вот присоединилась к ним в дороге женщина красоты удивительной; была с ними по-дружески неразлучна и ухаживала за ними с величайшей предупредительностью. Ибо сколько позволял Годрик, она мыла ему ноги, а также стелила постель и ночами, как родная, пристраивалась к ним, ни знаком, ни движением, ни словом не возбуждая в нём недостойных чувств, причём видна она была и показывалась только ему и матери его. Потому человек Господень много мучился сомнениями, действительно ли это женщина или же призрак, притаившийся под женской наружностью. Итак, по завершении его паломнического путешествия, когда они приближались к Лондону, женщина им на прощанье сказала: «Вот, под моим водительством вы избежали различных опасностей в Альпах, не сбились с пути и добрались до милой сердцу родной стороны, ну а я возвращаюсь туда, откуда сошла, где у меня престол покоя вечного и где обитаю я в доме Бога небесного. Итак, прославляйте теперь Бога (Тов. 12:20) и бойтесь Его (ср. Вульг. 4 Цар. 17:39), и что испросили у святых апостолов, получите в итоге по милости Божией», – и сказав сие, исчезла.

А сие чудесное знамение сообразно с древней историей о том, как Рафаил сделался видимым для ничего не подозревавшего Товии и, усердно помогая ему во всём, благополучно вернул его к отцу.

[6] Поскольку сии первые знамения вдохновили Годрика искать небесных благ и стремиться к ним, он глубоко задумался над Господним речением: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твоё...; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19:21). Он презрел всё, что доселе приобрёл, и, расточив земные блага на бедняков, в блаженном торге приобрёл небесные. Оставив родных и родину (ср. Быт. 12:1), постановил он искать пустынножительства и по устройению Господню прибыл в Карлайл. А когда он прожил там некоторое время, местные стали его почитать, и, желая избежать их внимания, он устремился в лесные чащи и поселился в логовах зверей.

Не ужасало его общество ни волков, ни гадов, не пугало ни лицезрение, ни прикосновение диких животных; причём соседу своему они не только не причиняли вреда, но по внушению свыше страшились его. Пищей ему служили корни и лесной мёд, а также орехи и ягоды; жажду же прекрасно утоляли ручьи. Он едва мог

пройти расстояние в один фурлонг, не пав ниц наземь в молитве или не преклонив колен и не обратив к вышним заплаканного лица; а где бы ни заставал его закат, там он и ложился ночевать.

И вот, блуждая по чащобному бездорожью, наткнулся он случайно на землянку некоего отшельника, и, поскольку прежде они не видались, то, пав друг другу в объятия и облобызавшись, обоюдно представились по имени, а сев, стали укрепляться божественными беседами. Посреди сего Годрик, смиренно простершись пред старцем, спросил, не окажет ли тот ему милость, разделив с ним общество. На что старец ответил: «Для того Господь и изволил показать тебе сию пустынь, чтобы ты наставлял меня, а придёт пора – и труп сей дряхлый похоронил».

Итак, прожили они вместе два года и девять месяцев, попеременно показывая друг другу примеры святости; и тут старец вдруг стал терять телесные силы. Но чем паче возрастала немощь его, тем бдительнее окружал его товарищ своею заботой, и, проведя без сна пятнадцать дней и ночей, он изнурился долгими бдениями. Он всячески боролся с собой и завет положил с глазами своими (ср. Иов 31:1), чтобы подкравшийся сон не помешал ему увидеть преставление духа от тела. Однако, побеждённый дремотою, он заснул наутро, а пробудившись, обнаружил, что старец скончался и, как бы вменив в вину собственной лени то, что он умер, глубоко опечалился. И предался он долгим слёзным молитвам, прося дух обратно в скинию свою, и удостоился лицезреть, как он вновь возносится в чертоги небесные. Ибо же бездыханное хрупкое тельце вдруг вздрогнуло, и прежний «обитатель» всколыхнул дыханием грудь и немного погодя, выйдя снова, дивным образом предстал перед молившимся Годриком в прозрачном шаре, окружённом безмерным блеском; а вознёсшись на небеса, с прозрачной ясностью явил, какого величия удостоен и славы.

Звали же старца Этельрик, а место жительства его было в Уолсингеме: тело его братия даремской обители по давнему с ним дружеству перевезли в Дарем и похоронили на своём кладбище с подобающей честью.

[7] Итак, лишившись утешений от досточтимого старца, Годрик вышел из края того и, бродя в одиночестве по пустынным местам, горячо взывал к Милости божественной, Которая прежде, вдохновляя, предваряла поступки его и, вспомоществуя, направляла их ко спасению. И был голос с неба, глаголющий: «Когда вернёшься из Иерусалима, вернее послужишь Христу». Сии слова повергли его в изумление, и он призвал на помощь блаженного отца Кутберта (Ландисфарнского, пам. 20 марта), на чьё покровительство наипаче полагался. И вдруг предстал ему некто, благообразно одетый в архиерейские облачения и, назвавшись Кутбертом, повелел ему пуститься в путь, предписанный свыше; и, обещав свою в том поддержку и утешение, указал место, где ему предстоит воинствовать против врага, и сказал, что называется оно Финчейл.

Итак, укреплённый небесным видением и речением, он пошёл, ликуя и благодаря, а скорбь, которую испытал при утрате вышеупомянутого брата, была смягчена надеждой, внушённой божественным обетованием.

Пройдя же до дальних краёв даремской глуши, он наконец добрался до местности, заросшей кустами и тернием, где шныряли и аж кишели гады да змеи, в глубину

которой он проник с величайшим трудом и тщательно исследовал её. Когда ж пастухи, что оказались по соседству, закричали: «Пойдём-ка сводим стада наши в Финчейл на водопой», – он смекнул, что это и есть то самое место, где ему предстоит подвизаться, как предсказано было в тогдашнем божественном откровении. А назван Финчейл в честь некоего короля бриттов Финча, который, как говорят, останавливался там со своею свитой. ГЕРМАН: Находится же место сие на берегу реки Уир, в двух милях (тогдашних «саксонских», что составляет свыше 4 совр. англ. миль. – прим. пер.) от города Дарема.

Итак, с позволения Ранульфа, епископа Даремского (ум. в 1129 г. – прим. пер.), он поселился в пустыни сей и, нарубив веток в лесу, поставил под развесистым дубом крошечный домик. РЕГ.: Ну а древний враг, норовя воспрепятствовать его святому радению, принял образ волчий и, словно бы жаждая крови, бросился на него в стремительном порыве. А он, прибегая к щиту молитвы, оградил себя крестным знаменем, и дикий зверь, встретив отпор, вынужден был поскорей обратиться в позорное бегство.

[8] ГЕРМ.: Но прежде чем бросить там якорь надолго, он во второй раз отправился в Иерусалим босиком и, завершив таким образом свои страннические труды (чтобы душе вольготнее было вершить путь к небесам), вернулся на свое место и проводил отшельническую жизнь в голоде и жажде, в холоде и наготе, в постах, и бдениях, и молитвах, а подвигами терпения и постоянства неуклонно стремил её к совершенству.

Его не страшила ни лютость зверей, ни множество гадов, ни опасности от разбойников, ни призраки бесовские, ни острота шипов, ни, наконец, безобразная дикость самого места (которое из-за стольких сосредоточенных там неудобств сделалось необитаемым), потому что всякий страх изгоняла совершенная любовь (ср. 1 Ин. 4:18). А ядовитое общество змей не просто не устрашало его, но он даже давал им приют на ногах своих и голеньях. И в течение двух лет жили у него две змеи жуткой величины; приползали когда вздумается и уползали. Когда же в хижине зажигался огонь, они располагались погреться и, как могли, благодарно шипели; и, отринув природную свирепость, казались ручными, хоть трогай. Когда, наконец, оказалось, что они, загостившись да замечтавшись, несколько мешают его размышлениям, он, схватив их голыми руками, выбросил вон и, зажав именем Божиим, объявил вечное изгнание из шалаша своего.

Однажды, когда он в течение нескольких дней расчищал свой участок и, корчюя чащу, расширял его границы, в отдалении показалась поляна, не маленькая, а пригодная для житья по своему расположению и виду. Туда он и перебрался, бросив старую лачужку, и начал возводить молельню, а также кое-какие необходимые постройки.

Однако, когда с течением времени возросла добродетель его и слава, стали стекаться к нему, как из соседних, так и из отдалённых областей Англии множества людей разного происхождения и возраста да обоих полов; и одни дивились тому, как переменилось место, другие преклонялись пред небывалым подвигом воина Христова, третьи же вдохновлялись на подражание его святости и улучшение жизни.

Он проповедовал слово спасения всем; и хотя был прост и грамоте не учён, речь его звучала грамотно.

[9] РЕГ.: Всеми силами, как чумы, избегая похвалы, он уклонялся от людских взоров, опасаясь не только признания, но даже обнаружения. Если же он натыкался на кого-нибудь из пришедших, то убегал куда подальше и прятался в ямах или под кустами, пока не уйдут. Однако соседи, узнав об этом обыкновении, заставляли его врасплох и, принося с собой пищу, складывали её у стоп его. Ужасаясь сему, он немедленно вставал и отходил в более отдалённое укрытие. Когда же они уходили, Годрик возвращался и, представив Господу то, что они принесли, и благодарно помолвившись об их спасении, относил сие на возвышенный холм, поскольку там обычно проходили путники, а иногда раздавал бедным и нуждающимся, но сам ни разу и не прикасался к сей пище. Он никогда не позволял себе вкушать ничего питательного, ибо кормился в уединении своём одними лишь кореньями. Однако с течением времени, чтобы не обессилеть в трудах, он стал руками вырывать сорняки, мотыгой корчевать терние и засеивать почву хлебными злаками. Отчего окрестные крестьяне в раздражении окрестили его слабоумным и из зависти назло ему, когда набухли колосья, потравили посевы его. Он же в молчании терпеливо снёс нанесённую обиду, а во время жатвы не только не понёс никакого ущерба, но в награду за терпение получил по милости Божией обильный урожай.

ГЛАВА II. ЕГО СУРОВАЯ ЖИЗНЬ. ОТРАЖЕНИЕ БЕСОВСКИХ НАПАДЕНИЙ. ВЛАСТЬ НАД ДИКИМИ ЖИВОТНЫМИ.

[10] С тех пор древний враг возгорелся вящей ненавистью к воину Христову, ибо же то подступал, внушая ему распутные помыслы, то, являя себя открыто, пытался победить ужасом того, кого не смог одолеть внушением. И многократно принимал он образы то льва рыкающего, то волка завывающего, то тьявкующей лисицы, то разъярённого быка. Иногда он представал в ещё более безобразном виде какого-то уродского зверя с кабаньими клыками, глазами шириною в локоть и кривыми лапами.

Поначалу воздвиг против него брань дух блудный, представляя не только плотским очам зримые женские образы, но и сердечным очам – незримые. Человек же Господень буйству похоти противопоставил целительное воздержание, постясь то по два, то по три дня непрерывно, каковые дни проводил целиком без еды. Когда же и сие не утишало пыла, Годрик по примеру блаженного отца Бенедикта катался в колючках терний и волчцов, пока его плоть не начинала кровоточить, а похоть не обращалась в боль. Иногда, одолеваемый страстями, он прыгал в бочку, наполненную водой, которую закопал в дальнем углу своей молельни. Весьма часто проводил он ночи в молитве, погрузившись по шею в ледяную воду реки Уир, где приготовил подходящий для этого камень, круглый и полый наподобие кадки, причём ни стужа зимняя, ни разлив реки, ни какая-либо непогода не могли отвлечь его от этого занятия.

И вот как-то раз, когда он там упорствовал молитве, злобный дух явился в зримом облике, взял одежду Годрика, вериги и власяницу, которые тот оставил на берегу, и

ушёл. Увидев сие, Годрик закричал ему «вор!», и он в замешательстве вернулся и положил всё на место.

А когда Годрик однажды сидел у жаровни и грелся, искуситель – ибо застиг его в праздности – отвесил ему такую оплеуху, что он вывалился во двор. Впоследствии праздность Годрик считал величайшим из проступков.

[11] На нагое тело он надевал железные вериги, а облачившись поверх во власяницу, прикрывал то и другое шерстяной накидкой. Носил он эту одежду пятьдесят лет, и, говорят, от пота и ветхости развалилось множество власяниц и изнашивалось трое вериг – удивительно, что мягкая плоть оказалась крепче жёсткого железа и разъела его!

Хлеб свой ячменный он приправлял золой. В питьё употреблял воду – и весьма умеренно, поскольку кто-то сказал отцу, что воды следует избегать. Обычно он собирал на берегах рек или в лесной глуши зелень и дикие корешки, измельчал их острым камнем или растирал деревяшкой, клал в горшок, смешивал с водой и варил на огне, из чего делал колобки. Он редко подкреплялся в течение дня: то молясь, то копая, то занимаясь какими-нибудь работами, он длил свой пост до вечера, и лишь тогда вкушал одного хлеба и колобков, но только не досыта. ГЕРМ.: Если же он иногда во время тяжкой болезни вкушал рыбы, молока или сыру, казалось, что они оставались нетронутыми, будто он и не прикасался к ним.

Речи его дышали утешением и спасением. Кто приходил к нему грустный, кого бы он не проводил в совершенном веселии? Кто был голоден, кого бы он не накормил? Кто наг, кого не одел? И если ему порой было нечего подать, благоволение, коренившееся в братской любви, не иссякало.

РЕГ.: Столом его был широкий камень, спал он на голой земле, подстелив власяницу, а вместо подушки клал тот самый камень, что служил столом. Не раз, отягчённый сном от усталости, он дремал просто прислонившись к стене.

К сим подвигам он прибавил ещё и молчаливость. По воскресеньям и праздничным дням он занимался только молитвой, а по понедельникам, средам и пятницам предавался молчанию. С первого воскресенья Адвента Господня до шествия пятого дня Рождества Его и с начала Семидесятницы (3-е воскресенье перед Великим постом. – прим. пер.) до Пасхальной октавы, а затем до недели святейшего торжества Пятидесятницы он ни с кем не разговаривал: только если требовалось исповедаться или приор Даремский своим приказанием разрешал ему. Поэтому он принимал у себя родителей, дабы отдать долг плоти и крови, однако так, чтобы не принесло то ущерба иноческому житию.

[12] Он совершал службу Часов со звоном колокольчика и пением псалмов: такой он установил себе обычай, хотя и был мирянином. Псалтырь он целиком выучил ещё давно в Карлайле. И вот, когда он порой был занят какой-либо работой, колокол вверху, дабы он не пропустил установленного для молитв времени, всякий раз без чьего-либо удара призывал его к положенным молитвам; так что многие, слыша сие, вдохновенно Годрика прославляли. А он, опасаясь, как бы похвала не довела его до тщеславия, упросил Господа, чтобы никто, кроме него самого, больше не слышал

этого. Впрочем, не удивительно, что Тот, Кто отверз уста неразумному животному (ср. Чис. 22:28), позволил и колоколу прозвучать самому по себе.

В течение сорока лет он вел непрерывную борьбу с духом похотным, после чего по снисхождению милости Божией всякая страсть плотская в нём усмирилась.

ГЕРМ.: Пусть же услышат о подвиге его и попробуют подражать ему современные отшельники, которые, едва попробовав простейших начал иноческого жития, предаются мирской суете, смешиваются с народной толпой, шатаются по городам и по неуместным причинам требуют бенефициев на строительство жилья. Годрик, проведя в отшельничестве шестьдесят лет, затворился в сердце своём, но и телесно вовне не выходил. РЕГ.: Правда, говорят, он трижды приходил в Дарем: первый раз – на Рождество, второй раз – на Воскресение Господне, а третий – по повелению епископа Ранульфа.

[13] РЕГ.: Часто он в духе распознавал многие пакости бесов; как одних они под покровом ночи побуждали к блуду, других томили беспокойством забот, а третьих, победив после многих борений, ввергали в пучину пороков. Некоторых из них он, предупредив о сих западнях, словом благочестивого увещевания возвращал на спасительный путь. И хотя ему самому грозили различные искушения, он не поддавался.

Ибо как-то раз, вернувшись из сада, он вошёл в молельню и простёрся на молитве. А искуситель рода человеческого, оказавшись рядом, начал кидаться на него с чрезвычайной яростью. Поскольку же святой муж продолжал неподвижно молиться, бес схватил пиксиду, в которой хранились святые гости, и изо всех сил с размаху метнул в лежащего. Поскольку же он так и не шевельнулся, ударил его рогом с вином и вылил на него содержимое; потом пошёл в ход кувшинчик со святою водой, затем он собрал всё, что стояло на колоде, где был прикреплён Крест, и, наконец, саму колоду, оторвав от стены, бросил в лицо молящемуся и стал издевательски петь высоким голосом: «Ох, деревенщина! Ох, недоумок! Я умею петь псалмы не хуже, чем ты каркать по-вороньи!» Исчезнув наконец в дыму, он оставил после себя жуткий смрад. И не закончил на том своих каверз.

[14] Ибо как-то раз, когда он выходил копать огород, некто стоял у дверей понурившись и говорил: «Господин, я хотел бы пожить у тебя, если можно». Годрик, увидев, что тот молод, полон сил и годен к труду, молвил: «Оставайся, сколько хочешь, и ступай работать, и что следовать будет, дам тебе (ср. Мф. 20:4). И взяв из рук отца заступ, гость стал вскапывать почву. Человек же Господень возвратился в молельню, а всякий раз, когда выходил с молитвы к работнику, замечал, что тот ничуть вспотел, и дивился выносливости землекопа, ведь за короткое время он выполнил недельную работу.

Итак, с вопросом «Кто ж ты такой и какую веру исповедуешь?» Годрик извлёк из-за пазухи образ Спасителя, сиречь нарисованное на пергаменте Распятие с Пресвятой Марией и Иоанном Богословом, благоговейно предстоящими Кресту Его, и поспешно поднёс ко рту искусителя. А он, оторопев от столь внезапного натиска и не в силах поцеловать Креста, бросился на человека Божия и, разорвав оный образ прямо в руках его, исчез со знакомым смрадом.

Годрик же, решив, что землю оную не следует возделывать в течение семи лет, как бы для очищения от бесовского смрада, часто окроплял её святой водой, а по истечении семилетия снова стал возделывать её.

[15] К сим он искуситель прилагал дополнительные потуги, пытаясь повредить человеку Божию. В образе странника, жалкий обликом, одетый в лохмотья, долговязый, с косматыми чёрными волосами он стучал в дверь святого и неустанно умолял позволить ему войти к нему. Святой же, выйдя навстречу ему, окропил его святой водой, а по совершении молитвы они тепло поприветствовали друг друга. Наконец, на вопрос, кто он таков, притворщик молвил: «Бедняк, живущий в соседней пустыни. Нигде не обрёл я дружбы, кроме, помнится, у одной знатной дамы, которая мне во многом помогала и благодарила. Давным-давно уповал я на беседу с тобою, а ныне, отложив все прочие дела, наконец-то пришёл повидать тебя, дабы при убожестве своём чем-нибудь послужить твоей милости». Святой муж, будучи тронут его несчастьями, подал ему белого хлеба и грош, который ему недавно пожертвовали. Взяв сие, незнакомец показал Годрику раны на своём теле и предложил их ощупать, молвив: «Вот какие муки я претерпел за Христа!». Тогда святой тщательно осмотрел шрамы и, обнаружив, что мякоть плоти убегает от всякого прикосновения, в изумлении быстро отдернул руку. На что соблазнитель молвил ему: «Не гнушайся сими несчастьями моими, а лучше попытайся подражать; я всегда пощусь и никогда не ем, всегда бодрствую и никогда не сплю, денно и ночью терплю мучения: то погружаюсь в потоки геенны, то поднимаюсь на вершины небесные, и ношусь туда-сюда по воздуху, как изгнанник и скиталец (ср. Быт. 4:14)». Сказав слова сии, он обратился в смрад и пропал. Человека Божия охватило такое возбуждение, что он едва не потерял сознание, но устремившись, как обычно, к усердной молитве, он победил всякую похоть.

[16] Какой высоты добродетели он достиг, то прилюдно засвидетельствовано даром чудотворений.

Ибо, когда разлив реки Уир целиком затопил местность и покрыл все постройки Годрика, оказалось, что ни капли в них не просочилось. Из окрестностей сбежались люди и, кружа вокруг Годриковой пустыни, сетовали друг перед другом о смерти человека Божия. Наконец, когда буйство вод утихло, они с удивлением обнаружили человека Божия простёртым в молитве, причём он был не просто совершенно цел и невредимым, но и ничуть не намок. На вопрос же, почему он не бежал от наступающего потока, Годрик ответил, что доселе ведать не ведал ни о каком наводнении, ибо же силы его душевные были так поглощены молитвой, что чувства плотские в нём уснули. Уж вы сами, любезные отцы, решайте, что более достойно удивления: то, как роса была на всей земле, а шерсть осталась сухой (см. Суд. 6:40), либо то, как воды покрыли хижину Годрикову, а Годрика не коснулись. И то и другое есть проявление силы Божией, и есть дивно в очах наших (ср. Пс. 117:23).

Чтобы придать веры сему знамени, хотелось бы напомнить, что по словам блаженного Григория произошло в церкви св. Зенона Мученика; ибо вода при разливе реки поднялась до окон под крышами и перекрыла распахнутые двери, словно бы обратившись в твердую стену, и хотя её можно было почерпнуть, непонятно было, как через неё плыть.

Также читаем, что при перенесении мощей блаженного отца Кутберта, когда погода стояла совершенно спокойная, внезапно разразился ливень, не испортив, однако, церковных украшений, которые все тогда были открыты, и не замочив одеяний тех, кто участвовал в торжественном шествии.

А в другой раз, когда река вышла из своего русла, его постройкам грозило разрушение, и тогда Годрик пошёл к водам и, ударив их посохом, который держал в руке, удержал их силою слов своих, ибо река по гласу человека Божия вобрала в себе волны свои, со всей мощью обратилась на противоположный утёс и яростно вырвала из утёса множество скал.

Однажды он выставил перед бушующими волнами крест, сложенный из прутьев, сказав: «Да будет позволено вам дойти вот досюда, а за пределы сего знака вырваться не смейте!», – и они не преступили приказания.

[17] Чтобы подкармливать нищих, Годрик посадил овощи, которые украдкой поедал зайчонок. К этому ущербу он довольно долго оставался терпелив, однако, в конце концов, заслышав шаги преступника, он застал вора у себя на огороде и, когда тот попытался улизнуть, приказал ему остановиться. А несчастный зверёк, тотчас же замерев, и в страхе и трепете ожидал приближения преследователя. Святой же, поймав его, высек розгой и, привязав ему к спине пучок овощей, отпустил со следующими словами: «Смотри-ка мне, чтобы ни ты, ни кто из родни твоей сюда больше не приходил и не смел разорять то, что служит на пользу нищим!» И было так.

[18] Посадил он также и куст, цветы и нежные побеги которого приохотился обгрызать олень. Однажды Годрик застиг его, а когда тот попытался бежать, лёгким мановением велел ему обождать – и олень остановился. И как бы в подражание проявлениям человеческого раскаяния он, согнув шею и склонив голову, казалось, просил прощения у ног Годрика. И он сжалился над ним, и руку, простёртую было для удара, удержал, а ему накинул пояс на шею и, выведя его за ограду, позволил идти куда угодно.

Хищные звери тоже наносили ущерб овощам и деревьям, а преподобный отец, выходя, проучал их розгой, словно ручных и домашних, и, выводя за пределы своего участка, навеки воспрещал им вход в свой сад. Из чего можно заключить, что в Годрике вновь расцвели чудотворения Мины Отшельника, ибо сей преподобный отец, застигнув медведей, пришедших из ближайшего леса, за разорением его ульев, побил их посохом, который обычно носил в руке. От его побоев огромные звери зарычали и побежали; и те, кого не утешит мечом, вострепетали от ударов его посоха (ср. Св. Григорий Двоеслов, Диалоги, Кн. III, Гл. 26).

Он часто приводил это в пример тем, кто приходил к нему, обличая человеческую заносчивость; ведь, хотя стихии и звери служат человеку, он сам не изволит повиноваться заповеди Бога, по подобию Коего создан.

[19] В южных частях Англии повсюду свирепствовали шотландцы, опустошая страну хищничеством и грабежами. И вот какие-то разбойники ворвались в хижину святого мужа и, сорвав украшения с алтаря, попрали своими нечестивыми ногами и Евхаристию. Наконец, расхитив его утварь, они стали осыпать его сквернословиями

и даже бросались на него с обнажёнными мечами; однако, поскольку нечто помешало им учинить злодеяние, они в бессмысленной злобе пронзили копьями его тёлку, которую не могли увести. Но за этим немедленно последовало божественное возмездие. Ибо один из них в безумии прикусил язык зубами и, бросившись в озеро, претерпел вечную смерть. Другой испустил дух, застряв на переправе через реку Уир. Прочие же соучастники преступлений тоже погибли не своей смертью.

Иные же прослышали, что человек Божий припрятал кое-какие деньги, и по дьявольскому внушению уговорились напасть на него ночью. Всю ночь бродили они по окрестным зарослям, глядели издалека прямо на его келлию и, приблизившись, поражённые свыше слепотою, проходили мимо. Утром, измученные холодом и усталостью, они обнаружили, что заблудились в лесистой местности и, постыжённые, вернулись ни с чем восвояси, а потом, раскаявшись, смиренно поведали об этом человеку Божию. Тут повторилось древнее чудо Елисея, которого, когда он находился в Дофаиме, окружили ночью преследователи сирийские, но ослеплены были свыше и сбиты с пути, а наутро оказались в Самарии (ср. 4 Цар. 6:13-23).

[20] Во времена Райнульфа, епископа Даремского, несколько членов свиты его выехали на охоту и, высмотрев оленя покрасивее, спустили на него собак. Преследуемый криками и лаем, он искал убежища у Годрика и жалобным мычанием, казалось, молил о помощи. Когда же преподобный муж, выйдя, увидел, что перед дверями его стоит животное, измученное усталостью и страхом, то, тронутый его мычанием, велел смолкнуть и, отворив, разрешил ему войти в свою хижинку. Олень тут же пал к стопам отца. А он, заслышав, что охотники уже близко, вышел, закрыл за собою дверь и сел под открытым небом. И собаки, как бы огорчённые потерей добычи, вернулись с громким лаем к хозяевам своим. Они ж, тем не менее, идя по следам оленя, окружили поляну и, прорубаясь сквозь почти непроходимые заросли терновника и волчцов, проложили себе тропу и нашли человека Божия, одетого в убогие лохмотья. Когда его спросили об олене, он не захотел предавать своего гостя, но благоразумно промолвил: «Бог знает, где он». А они, узрев в лице его красу ангельскую и почтив святость подвига, пали ниц и просили прощения за свою легкомысленную дерзость; впоследствии же то и дело с изумлением рассказывали о том, что случилось с ними там, а благодаря частому повторению память о том событии передали потомкам. Ну а олень пробыл у Годрика до вечера, когда он и отпустил его на волю. Причём зверь много лет всё возвращался и, склоняясь к ногам его, как бы по мере сил выражал благодарность за своё избавление. Поэтому-то я и позаботился рассказать об этом чудесном знамении, обличая заносчивость тех, кто, будучи избавлен от опасностей и бед, порой оказывается неблагодарен за добро.

Также зайцы и другие лесные звери, убегая от наступающих охотников, по внушению Божию заворачивали к нему, а он их милосердно принимал как гостей, а когда наступало подходящее время, отпускал. Да и птиц, которые зимою замерзали так, что лишались способности летать, он отогревал на груди, пока они не приходили в себя. Если ему доводилось узнать, что кто-то из ребят поймал и прячет у себя хотя бы птицу или зверюшку, то подходил в село и, укорив их за жестокость, освобождал пленников. Ибо же он до такой степени был одарён милосердием, что не

только о людях благоутробно беспокоился, но и к животным испытывал сострадательные чувства.

ГЛАВА III. ПОСТРОЙКА ХРАМА СВ. ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ. РЫБЫ, ЧТО САМИ ДАЛИ СЕБЯ ПОЙМАТЬ. ЧУДЕСА С РАСПЯТЬЕМ

[21] Когда преподобный муж просиял этими и иными чудотворениями, верные принялись благоговейно настаивать на том, чтобы он, прославленный повсюду, и церковку себе отстроил побольше – сообразно чести. И он уступил; впрочем, не потому, что так уж хотел расширить свою узкую молельню, а ради того, чтобы подарки и подношения просящих послужили им в воздаяние вечное. Когда строительство по большей части было завершено, стали спрашивать, в честь какого святого посвятить храм. И предстал пред Годриком некто, осиянный столь великим блистанием, что глаза слепли, и молвил: «Я Иоанн Креститель, которому Господом поручено попечение о жизни твоей; сия строящаяся обитель будет посвящена моему имени, и все, призывающие в ней имя Господне, обретут с моей помощью благоволение». Итак, когда совершили таковое посвящение, стало место оное известнейшим во Финчейле, а после кончины сего отца ещё более прославилось множественными знаменами.

[22] Одному из отроков Годрика во сне явился святой Предтеча и велел ему внимательно примечать то, что будет показано. И увидел он изгородь, на которой расселось множество воронов, и, уразумев, что это злые духи, весьма ужаснулся. А святой, успокоив его, вывел в огород и велел обратить взор на церковь. Послушавшись, отрок увидел трёх бесов, сидевших над воротами ограды и терзавших различными пытками одного из отроков Годрика. Когда же он попросил проводника своего помочь им в сих бедствиях, тот ответил: «Не бойся: таковые кары от бесов не ты понесёшь, а все, кто по-воровски похитил мои вещи и слуги моего Годрика. Ну а он, коли поспешит свершить покаяние, сможет и милость мою обрести, и прощение прегрешений. Посоветуй ему не откладывать этого, да избежит уготованных ему бедствий!»

[23] Ещё его иногда спрашивали, почему он нарушает полуночную тишину стройным пением, на что он молвил: «Иоанн Креститель, торжество которого мы празднуем сегодня, изволил посетить сию свою церковь. Посему небожители, входя в храм Пресвятой Девы Марии и выходя из него, совершали в праздничном шествии ночную службу, а так как я, недостойный, присутствовал при том, то не смог удержаться от славословия Божия».

Сии и множество иных благодеяний являл святой Проповедник Господень, как ради утешения слуги своего, так и для прославления священной обители, а также дабы в наше время пробудить благоговение верных и сдержат злбу неправедных, коль замыслят учинить вред его слугам.

[24] Тот же достопамятный отец построил запруду поперёк реки Уир от берега до берега, в которой проделал желоба для ловли рыбы, и там, по рассказам братии, происходили некоторые чудеса.

Ибо же некий муж весьма часто навещал Годрика ради беседы, и всякий раз, когда он собирался проститься, святой не позволял ему уйти с пустыми руками. Итак, велено

было помощнику спуститься к желобам и доложить, не застряла ли там какая-нибудь рыба, на что тот заявил: «Ничего в ловушке нет, ведь я только что вернулся оттуда». А святой ему на это: «Беги со всех ног, ибо попалась одна жирненькая, а другая тощая – только и ждут тебя!» Итак, помощник пошёл и принёс рыб, которых Годрик пророчески описал. И сказал человек Божий: «Лучшую отдай уходящему, а худшую оставь себе, за то что всегда ропщешь на мои повеления».

[25] В другой раз, по случаю досточтимого торжества блаженного Предтечи, из киновии Даремской направлены были двое братьев служить литургию, по совершении каковой они подошли к отцу попроситься. А он, позвав помощника, молвил: «Устрой как можно быстрее угощение и выставь яства, что у нас есть, потому что сыны бл. Кутберта, братья мои, пообедают нынче со мною». И когда были выставлены хлеб и молоко, Годрик, видя, что трапеза крайне скудна, велел подать рыбы. На что помощник, недоумевая, ответил ему: «Где нам взять рыбу в такой жаркий зной? Мы теперь посуху можем пройти, где раньше натягивали сети». На что Годрик ему: «Поди да натяни невод мой в безводных местах». Помощник исполнил приказ и, не найдя рыбы, вернулся ни с чем. Тогда святой: «Налей воды в котёл и поставь его на огонь, а сам вернись к берегу». Походив туда-сюда без какого-либо улова, он, устав наконец от неблагодарного труда, отказался снова возвращаться. И сказал ему святой: «Поди-ка и ныне, ибо в сей самый час там запутался превосходный лосось, которого святой Креститель изволил подарить нам в честь своего праздника». Тот пошёл, с великим изумлением принёс поимку, порезал и положил вариться в кипящем котле. А насытившиеся братья исполнились радости и удивления, изумляясь, как удалось поймать рыбу в сухой запруде и как человек Божий, разговаривая с ними и находясь в келии, узнал, что в невод попалась рыба?

[26] Некий грабитель, проходя, как обычно, ночью близ упомянутых желобов, заметил, что там застряли преогромные лососи, и разыгрался у него аппетит. А человек Господень, который имел привычку ночевать в волнах, слышав вблизи необыкновенный шум, подкрался и обнаружил грабителя, а поскольку имел обыкновение соблюдать в ночные часы тишину, то жестами и гримасами показал застигнутому вору, чтобы приостановился, и сам помог ему вытащить рыб, сложить их в мешок, а мешок пособил взвалить на плечи. РЕГ. Заодно объяснил и безопасный путь, которым тот мог бежать, и провожал его до самого выхода за ограду. А помощник, который прятался недалеко от того места в хижине и нёс ночную стражу над рыбной запрудой, видя, что делается, от страха сдержал порыв сердца своего и не посмел ни рукою тронуть вора, ни даже словом его попрекнуть. Поэтому утром он сказал своему наставнику: «Зачем ты приказываешь нам караулить, коль сам этой ночью пошёл в сообщники грабителю своему?» На что тот ему: «Он оказался достойнее получить рыбу, чем мы, потому что был усерднее и трудолюбивее в ловле её, чем мы – ведь его нужда была больше нашей». Можно сказать, он повторял речение: «Пусть возьмёт себе, чтобы только никто смог обвинить нас ни в строгости, ни во грехе» (ср. Быт. 38:23), ибо он всячески старался вызволить виновного из рук преследователей и, побуждая такового к покаянию, избавить его и от руки вечной смерти, следуя примеру того отца, который, после того как воры забрали у него всё, пытался догнать убегающих, предлагая им заодно тот мешок, что ещё у него

оставался, тем самым не столько напоминая им о мешке, сколько, скорее, обращая их к улучшению жизни.

[27] ГЕРМ.: Сидя однажды у дверей своего храма и держа в руках псалтырь, он вдруг услышал позади себя звук, похожий на веяние тихого ветра (ср. 3 Цар. 19:12). РЕГ.: А в то время разговаривал он с другом своим. Но и посреди благочестивой беседы ум его не отвлекался от вышних. Итак, взглянув на алтарь, он увидел, что крест сдвинулся, и призвал своего друга взглянуть на столь небывалое зрелище. Распятие снова качнулось, а затем, подскочив, как живое, в третий раз переместилось по алтарю, после чего спустилось на пол, а затем, чудесным образом двигаясь, пересекло храм и, наконец, простёрлось на ступенях с вытянутыми руками, а по истечении часа, вернувшись обратным порядком, снова разместилось в той выемке, где прежде стояло. Оба взирали на сие в безмолвии, чрезвычайно дивясь. А проводив гостя, подвижник Христов позвал к себе на разговор епископа Вильгельма (управлял епархией 1144-1153 гг. – прим. лат. изд.) и, поведав ему о виденном, спросил, что означают их видения. ГЕРМ.: Епископ же, разгневавшись, молвил: «Я-то думал, что ты человек великого благоразумия! Я был занят разнообразными епархиальными делами, требующими моей пастырской заботы, и, получив твоё повеление, решил прийти, надеясь вообще-то услышать какое-нибудь слово назидания, и нате! Что из того, коли крест твой упал, или какой такой мистический смысл может заключаться в его падении? Толкую: сие видение предвещает тебе скорый исход от мира». А Годрик молвил ему: «Не мой, но – с прискорбием говорю – твой, ведь крест этот – твоё олицетворение, а его движение означает твоё преставление из сей жизни». И правда, в том же году епископ почил, а на кафедре его сменил другой, сиречь владыка Гуго де Пюизе (еп. 1153-1195 гг.), который, когда его посвящению воспротивился Генрих, архиеп. Йоркский, решил отправиться в Рим и первым делом избрал себе в спутники для сего путешествия приора Лаврентия и магистра Лаврентия. Ну а магистр Лаврентий пошёл к человеку Божию и поведал ему о предстоящем. На что Годрик шутливо ответил: «Вы, двое Лаврентиев, собираетесь отправиться в Рим, но ни один из вас туда не доберётся, да и в Дарем вам обоим не возвратиться». Что немедленно подтвердилось на деле, ибо магистр Лаврентий по дороге принял монашеское облачение в обители св. Альбана, а приор скончался на обратном пути во Франции.

[28] ГЕРМ. Когда он сидел перед своим алтарем и взирал на Крест, о котором говорилось выше, из правого бока Распятия в некотором подобии рождения вырвался Мальчонка «прекраснее сынов человеческих» (ср. Пс. 44:3) и, сойдя на алтарь, приблизился к образу Пресвятой Девы Марии, стоявшему ближе, и, взобравшись к Ней на колени, побыл там какое-то время. И такую неизреченно сладостную песню Он пел, идя туда и там находясь, что святой муж подумал, будто слышит пение ангельское. РЕГ.: А сойдя с алтаря, Он, забавляясь, стал прогуливаться туда-сюда, осматривая храм, а когда слуга Божий тихим голосом призвал Господа Иисуса, Мальчик, подойдя к нему, улыбнулся, сощурился весело и воздетой рукой благословил. Затем, взбираясь на алтарь, он несколько раз взглянул на Годрика дружелюбно и вошёл в тот же бок Распятия, из коего прежде выбрался, не оставив по себе никаких следов. Мальчик же, как часто потом повторял Годрик, исполнен был такой красоты, какой ни ум не может ни постичь, ни человеческая речь выразить.

Когда немощный земной рассудок приходит от сего в недоумение, то благоразумно будет мудрствовать, подобно апостолу, и кротко верить в то, чего невозможно исследовать. И не следует человеческому разуму пытаться постичь то, что божественная сила спасительно устроила превыше убогого человеческого понимания. А рассказанное мною лучше всего подкрепляется описанным бл. Афанасием случаем, который произошёл с образом Спасителя. Ибо однажды иудеи долго насмеялись над Ним в образе Его и, свершив с изображением прочие страсти Его, в итоге пронзили ему бок копьём, и оттуда, как некогда из раны в плоти Христовой, тотчас хлынула кровь и вода. Некто ещё и мечом пронзил распятие, а когда одежду его внезапно забрызгала кровь, бросил образ в колодец. Когда же на поверхности вод показалась кровь, приставы извлекли распятие, и на боку его обнаружился рубец, который исцелил рубец на теле раскаявшегося кощунника. Другой пытался отсечь распятию голову, а древесина поддалась клинку, который прошёл сквозь доску, будто оружие вонзилось в хрупкую плоть.

Почему же тогда ожесточившим слух свой кажется оскорбительным, коли Господь и ныне явился на чудотворном Кресте своем, коли чудесным образом наполнил изваяние Своё, коли чудом вышел из образа своего, раз даже о бесах написано, что они вселялись в идолы свои и давали ответы через деревянные или каменные уста. И хотя не Годрик свершил сие, но, несомненно, то было заслугою Годрика, что он удостоился сие видеть. Итак, те, что хулят жизнь человека Божия и насмеяются над добродетелями, да удалят смех от уст своих и облекутся в страх, как бы по человеческой самонадеянности не оскорбить Творца, не признав и не почтив Его силу во святых Его.

ГЛАВА IV. ВЕЧНОЕ СПАСЕНИЕ МАТЕРИ, СЕСТРЫ, БРАТА; ПРЕДВИДЕНИЕ И ПРЕДСКАЗАНИЕ СМЕРТИ РАЗНЫМ ЛЮДЯМ

[29] С тех пор, как он поселился в Финчейле, прошло немало времени, и пришла к нему его сестра единоутробная, проникнувшись духовным стремлением обитать с ним там. Для неё преподобный её брат устроил келлию недалеко от храма, в которой она и вела несколько лет жизнь, исполненную целомудрия, предаваясь бдениям, и постам, и радению о добрых делах. Впоследствии, то ли по своему собственному решению, не знаю, то ли по чужому совету, опасаясь, как бы от совместного их жительства не возникло повода к искушению и не пострадало доброе имя, он отказался от постоянного её соседства по примеру бл. епископа Августина, который не согласился жить со своей сестрой, сказав: «Те, кто с моей сестрой, мне не сёстры» (Св. Григорий Двоеслов, Письма, LX).

Узнав о том, святой памяти брат Радульф, раздатчик милостыни, перевёл ее в Дарем, где она, проведя остаток дней своих в святости и чистоте в гостинице, спокойно встретила блаженную кончину. О смерти её человек Господень сильно скорбел, и хотя он меньше всего сомневался в её приверженности чистоте, однако непрерывными молитвами и слезами пытался вымолить у высшего Судии какой-нибудь весточки о том, какой участи она удостоилась.

Итак, пребывая в непрестанных бдениях и молитвах, он увидел, как два почтенных седовласых старца, предводительствуемые Пресвятою Богородицею Марией, входят

в церковь, посвящённую оной Деве. И вели они меж собою госпожу презнатную, чей лик и наряд блистали паче лучей солнечных, и, подняв на руках, благоговейно поставили её на край алтаря. Внимательно присмотревшись к ней, святой муж пришёл в изумление и, узнав в ней сестру свою, расплакался от радости. ГЕРМ.: «О сестрица милейшая, – молвил он, – какова причина твоего прихода и по чьему велению ты пришла сюда?» На что она сказала ему: «Для того Бог послал меня к тебе, чтобы ты более обо мне не беспокоился, ибо удерживают меня не муки, а радости вечные, и дивным образом Он как бы подставил мне такое подножье, что, даже если бы я захотела, ногам моим не коснуться земли». И вот, возвысив голос, она сладкозвучною песней обласкала напряжённый слух удивлённого брата. А была это такая песенка:

Чтоб не увязла я в земной грязи, из мира прочь

Моя Владычица мне выбраться пришла помочь.

А двое мужей, один из которых держался за правую сторону алтаря, а другой – за левую, с книгами в руках радостно подпевали, повторяя: «Господи, помилуй! Христе, помилуй!» Когда же они умолкали, она повторяла свою песню, а едва стихала она, они продолжали: «Господи, помилуй! Христе, помилуй!». Они долго возносили поочерёдно хвалы и славословия, пока не начали подниматься в воздух, а вознесшись, не оставили по себе и следа. Годрик же, преклонив колени, возблагодарил Всемогущего Бога, твёрдо уверившись, что душа сестры его будет причтена небесным духам.

[30] РЕГ.: Он непрестанно просил Господа избавить от мук душу своей недавно почившей матери и, тяжко утруждая себя ради спасения её, часто проводил ночи, молясь в реке Вир, причём никакая непогода не удерживала его от вхождения в воды. Итак, однажды, когда он в полночь направился обычным путём своим, то, вступив в волны, обнаружил на свежем снегу человеческие следы, ведущие храму, но чьи именно, не мог распознать в темноте. Войдя же в храм, он увидел двух человек, держащихся за углы алтаря. Он смотрел на них да смотрел, пока тот, который стоял по правую сторону от алтаря, не сказал: «Знаешь, Годрик, кто я?» Получив отрицательный ответ, муж продолжил: «Я Иоанн Креститель, которому ты вознёс много молитв о душе своей матери; и нынче ночью я исторг её из озера страданий и привел сюда, чтобы ты утешился». И вот человек Господень, присмотревшись внимательнее к явленному образу и узнав, что то воистину его мать, возрадовался радостью великой и возблагодарил Бога да Предтечу святейшего.

[31] Ну а брат его погиб так: когда совершал он плавание по вышеупомянутой реке, внезапная буря опрокинула лодку, и он поглощён был волнами. После похорон такая печаль томила Годрику душу из-за столь ужасной смерти его, что, казалось, не оставалось ему почти никакой надежды на утешение. И, словно бы взявшись загладить все грехи брата, Годрик стал сокрушать тело ещё более суровыми бдениями и постами, непрестанно многими муками (ср. 2 Мак. 9:6) «закалывал» себя [как тельца,] пред лицом Господним (ср. Исх. 39:11): даже вериги надел новые и более грубую власяницу. Бог сжалился над слезами и трудами его и соблаговолил уврачевать сокрушённое сердце его. Ибо когда он однажды ночью простёрся в обычных молитвах и лишь ради духа брата своего прижался подбородком к земле,

предстал ему оный брат его и сказал: «Ох, Годрик, знаешь, сколько мук я прошёл? Ныне же, избавленный тобою от них, я причтён к сонмам благих духов в небесном Иерусалиме». И с этими словами он исчез из виду. А Годрик возблагодарил Всемогущего Бога и, утешенный таковым видением, оставил скорбную печаль, что окутывала его из-за смерти брата».

ГЕРМ.: На следующий день приор Дарема, а именно Герман, и несколько братьев пришли послушать от него слово жизни (как они обычно делали), но, присмотревшись к нему во время беседы, подивились тому, что и в речах он был веселее обычного, и лицо его выглядело радостнее. А он и молвит им: «Не удивляйтесь счастливой улыбке на лице моём и тому, что душа моя выказывает счастье, ведь прошлой ночью чудным образом воззрел на меня Господь в милости Своей. Ибо, когда я молился, то услышал на высоте голос поющих и увидел неопишное сияние, блистающее свыше. Желая узнать вернее, что это, я встал, внимательно вслушался, устремил взоры к небу и увидел душу брата моего, умершего шестнадцать лет тому назад: ангелы уносили её на небо. Вот причина небывалого счастья, вот повод сердечного ликования, ибо благодарю я Всемогущего Бога, и радуется дух мой о Боге, Спасителе моём (ср. Лк. 1:47).

[32] Был у епископа один управляющий, которого оклеветали, будто расточил он имущество его. А в тот день, когда, будучи невиновен, он должен был доказать свою правоту посредством поединка, вступив в бой, погиб от множества полученных ран. Хотя человек Господень находился тогда в келии своей, сие открылось ему в духе, и он, ударив в колокол, созвал помощников и молвил: «Поминайте Этельволда, что приходил к нам вчера; он только что, сразившись, пал от рук соперника». Они изумились и сказали, что он бредит. На что Годрик возразил: «Я не брежу и готов повторить то же самое». Между тем из города пришел клирик и поведал о том, что это произошло в тот самый час, когда прорицал святой муж. ГЕРМ.: Когда ж он молился, благоговейно прося Бога принять сию душу, случилось чудо, неслыханное в веках. Ибо же дух усопшего поспешно явился, да с таким грохотом, будто вся громада леса была вырвана одним махом с корнями и рухнула. Он предстал Годрику, издавая жалобные стоны и восклицая: «Горе мне! Горе мне!» – и, промелькнув как бы в мгновение ока, умчался в предназначенное ему место. Странно молвить и слышать дивно о том, как оный дух, ещё вчера невидимо таившийся в теле, сегодня внезапно явился видимо без тела тому, кого просил о заступнической молитве. Однако Бог по милости Своей позволил, чтобы умерший, показывая величие заслуг святого, явственно напомнил о трудах заступнических, и чтобы его молитва, помогавшая в защите земной жизни, была действительна и для спасения души. И не следует думать, что умерший отправился на адские мучения, но – к местам очищения, о чём в столь поучительном видении и велено было святому мужу возносить молитвы. Ибо многогранное милосердие Божие разнообразно заботится о человеческом роде; и благодати Его должно приписать то, что духи усопших являются в утешение и на увещание живым, дабы, дав понять по облику видения суть нужды, побудить к благотворениям на пользу им.

[33] РЕГ.: Роберт, муж почтенной жизни, аббат Ньюминстра (ок. 1100–1159 гг., св., пам. 7 июня), желая вкусить пищи благочестивого утешения, часто приходил в Финчейл. Однажды Годрик, человек Господень, будучи предуведомлен духом

пророческим, сказал ему на прощание: «Поминай меня, отче, ибо в сей тленной плоти ты более не увидишь лица моего!» И вот аббат уехал и, слегши на одр болезни, преставился от мира сего. А Годрик, находясь в своей келии, увидел две белоснежные стены, простиравшиеся до небес, и явились среди них три духа ангельских, которые в огненном шаре унесли в вышину дух упомянутого аббата. Порою, рассказывая наедине о том братии, он вздыхал и заливался плачем слёзным, научая притом их на сем примере, сколь сильно подобает им стремиться к небесному отечеству.

Случилось так, что приехали к Годрику в гости какие-то люди из города, у которых он стал выпрашивать, что там говорят. А они сказали, что и народ, и епископа постигла великая скорбь о кончине некоего аббата Роберта, ибо он умер в понедельник. На что святой сказал: «Не так было, чада мои, но в предыдущую субботу начался исход его, ибо по устройению Господню не мог он преставиться один, поскольку с ним отходила женщина благой жизни из Гастингса», - и добавил, что звали её Эдитой. И хотя на земле усопших разделяло большое расстояние, однако в один и тот же час они сопричтены были одного блаженного удела, и доселе живы глаза, удостоившиеся узреть сие. А навстречу тому аббату ринулись было негодные духи, но поскольку ангелы сражались за него, то диавол был в своей самонадеянности посрамлён, а оный блаженный упокоился на лоне Авраамовом.

Пишут, что некоторым отцам дано было от Бога видеть подобное плотскими очами. Так, преподобный отец Кутберт видел возносимую ангелами на небеса душу святого Айдана, а блаженный Бенедикт – душу Германа, епископа Капуанского. И не удивительного, коли Годрик видел нечто подобное, ведь и житием он был им подобен им.

[34] Однажды, пока святой памяти аббат Этельред беседовал с человеком Божиим Годриком, некий брат из Даремской киновии, приехавший с оным аббатом, обходил святые места и, сделав круг, уселся наконец на гробнице, которую святой муж вырубил для себя в скале. Заметив сие, Годрик сказал аббату: «Не зря оный брат приблизился ко гробнице, ведь день кончины его близок». Так вот, вернувшись в Дарем, он внезапно заболел лихорадкой и в течение двух недель (в соответствии со словом святого) скончался.

[35] ГЕРМ.: Причём когда он, будучи ещё начинающим отшельником, начинал возделывать свою пустынь, то не стал в угоду лицемерной гордыне сам собою руководить, но послушно вверил душу свою учительству преподобного Рогера, приора Даремской киновии, от которого получил и наставление в уставной жизни, и образ брани духовной, ибо он был монахом выдающегося благочестия и подвига и связан был с человеком Божиим особым дружеским расположением. И вот однажды, когда после своего обычного посещения и исполнения священного долга наставничества он вернулся в монастырь, древний враг застал его лежащим в постели и злобно набросился с громогласными оскорблениями. «Зачем, – молвил он, – ты сегодня ходил к этому сумасшедшему и раскрыл ему мои умыслы? Напрасно ты трудишься над этим мужланом – и вот тебе на этот раз награда за труды!» И сие сказав, он с шумом испустил из зада невыносимо смрадный пар, от которого оный приор, терпя великую сердечную и духовную скорбь, едва уклонился, запечатлев на органах чувств знамение жизни.

Итак, этот самый отец, завершив течение земной жизни, был взят от мира в благой старости, а кончина его послужила для многих причиной глубокой скорби, ибо он являлся не только милостивым защитником бедняков, но и несравненным утешителем богатых, так что весь народ заключил, что в приорате больше не появится никого, подобного ему. И вот кто-то из скорбящих поспешил в скит бл. Годрика и сообщил, какой прискорбный разлад произошёл в монастыре между братьями Дарема. На что святой ему: «Я отчётливо понял, что настал час разрешения его примерно четыре дня назад и наверняка знаю, что дух его был введён в рай». Итак, после смерти его человек Господень Годрик избирал себе в начальники приоров Дарема и под их руководством воинствовал, сколько жил.

[36] РЕГ.: А в начале своего подвижничества он жил один, довольствуясь помощью одного мальчонки, попечению которого вверил единственную корову, дававшую ему пропитание. А тот её часто в нарушение обязанностей своих упускал – то ли по слабосилию, то ли из-за того, что обычно просыпал по утрам. Уразумев сие, святой отец подошёл и, накинув свой пояс на шею скотины, молвил ей при мальчике: «Поди и следуй за мною, и шествуй со мной на пастбище, и на рассвете выходи сама без проводника, а в полдень или вечером, когда наступит подходящее время, возвращайся ко мне на дойку». Корова послушалась его веления, словно бы приказал он не животному, а человеку; и если случалось, что он был в церкви, она стояла у дверей и издавала мычание, как бы зовя его, а когда он выходил, подставляла вымя для доения, а затем отправлялась, куда хотела. А тот, кто видел сие, засвидетельствовал своим рассказом, насколько [Годрик?] был зрел нравом и умудрён летами.

[37] Некий житель Дарема посетовал святому человеку, что давно изголодался по беседе с ним. А тот ему: «Ныне видишь меня в первый и в последний же раз». За сим высказыванием немедля последовало подтверждение, ибо человек тот внезапно захворал и послал ко святому гонца с вопросом, может ли он выздороветь от сей болезни. И тот ответил: «Сделай завещание для дома твоего и поспеши раздать богатства свои нищим, ибо ты умрёшь, не выздоровеешь» (ср. Ис. 38:1). Услышав сие, он сделал, как ему было велено, и тотчас удалился от человеческих дел.

Так святой муж исход многих провидел и предсказал; созерцал вознесение духов многих к блаженству; многие души избавлял от мук молениями своими и слезами.

ГЛАВА V. ИСЦЕЛЕНИЯ БОЛЯЩИХ. ПРЕДСКАЗАНИЯ БУДУЩЕГО И ВЕДЕНИЕ ОТДАЛЁННОГО В ДУХЕ ПРОРОЧЕСКОМ. ОДОЛЕНИЕ ИСКУШЕНИЙ.

[38] РЕГ.: Однако у него не было недостатка и в благодати исцелений. Ибо некий клирик, впоследствии архидиакон Даремский, страдал от сильной горячки, причём безнадежное состояние больного в итоге стало вызывать опасения. И вот, получив здравый совет, он велел отвезти себя на лошади к отшельнику, благо тот жил неподалеку. А получив благословение от отца и вкусив по его повелению плодов садовых и хлеба, он тут же заметил, что исцелился, и на обратном пути уже не нуждался в помощи спутников, которые поддерживали его при приезде.

Некий аббат попросил у блаженного мужа что-нибудь на память, и тот достал из корзины и протянул ему хлеб. И вкусили от него, как не раз рассказывал оный

аббат, пятнадцать больных, страдавших различными недугами, и без промедления выздоровели.

Некий сосед его и друг, умирая, жалостно сетовал отцу, который, сострадая скорби его, осенил хлеб знамением жизни. Болящий же, ничуть не сомневаясь в заслугах преподобного мужа, попробовал отведать хлеба и тотчас выздоровел благодаря вере своей.

[39] После сего воина Христова целиком покрыли гнойные язвы, да так, что непрестанно истекал зловонным гноем. А к жутким ранам он ещё и лечение жуткое применял: присыпав солью, растирал их соломенными скрутками до излияния крови, приговаривая: «Коль Бог наказывает меня за прегрешения, накажу и я себя, дабы избежать того, что заслужил». Изнемогши (скорее, от тяжких усилий, чем от жестокой боли), он безжалостно препоручал эту работу помощнику, а когда тот утомлялся, вновь сам продолжал, как палач, терзать себя, и тёр вместо того, чтоб лечить, царапал взамен умощения. И не отказывался он от этой привычки до тех пор, пока вся парша не пропала окончательно и не выросла новая кожа – гладкая, как у младенца. Итак, я бы назвал Годрика вторым Иовом, ибо тот скоблил гной черепком (ср. Вулг. Иов. 2:8), а этот стирал его скрученной соломой.

[40] Среди прочих даров божественной мощи он обрёл и дар пророчества. Ибо в восточных пределах Англии вспыхнула ссора между посланцами короля и епископа Даремского, которые силою заняли королевские покои, и вот-вот обнажились бы мечи, а за оскорбительными словами последовали ранящие удары. Сие Годрику, таившемуся в нашем западном уголке, было открыто в духе, и он послал весточку к даремским монахам, прося их непрестанно молиться о своём епископе, дабы, не дай Бог, гнев короля не воспылал на него. А когда вернулся епископ, стало известно, что всё произошло именно так, как заведомо предостерегал блаженный муж.

[41] Один из друзей Годрика заболел в окрестностях Лондона и вопрошал его, не умрёт ли. Святой же, суля исцеление, предвозвестил ему будущее паломничество ко св. Иакову. А затем, когда блаженный муж отправлял к нему своего отрока, а тот отказывался идти, оправдываясь тем, что никогда не видел ни человека того, ни его дома, он так точно описал село, в котором друг остановился, и местонахождение дома, которого, причём, и сам не видал, что отрок смог дойти туда без проводника и без расспросов разыскать то и другое.

[42] Когда пришёл к нему приор Даремский, он упрекнул его за то, что тот пренебрёг охраной вверенной ему земли, когда позволил тем, кто не нуждался, попортить плоды, предназначенные для нуждающихся. Поскольку же тот замер и онемел от изумления, Годрик сказал, что встретились приору в лесу трое всадников, и подробно описал и снаряжение, и облик коней их, и то, как они приветствовали его, и как он промолчал. «Таковы, – молвил святой, – те, кто здесь всё портит».

Некоему брату он пожаловался на своего помощника за то, что тот взял полный мешок зерна и тайно передал своей жене. И напомнил брату сему, как, не дойдя до края леса, он встретил некую рыжую лошадь с лысым всадником, который вёз мешок. Когда брат засвидетельствовал, что всё так и было, помощник, находившийся неподалёку, ужасно застыдился и покаялся в краже.

[43] Другой помощник в тот же день поехал по приказанию отца в Дарем, а перед возвращением получил от кого-то в Дареме для отца сыр, каковой, приехав вечером домой, показал жене. Ну а её тут же такая взяла охота им полакомиться, что по чревоугодию своему она стала как бы второю Евой. Когда он утром явился, отец попенял ему за опоздание и, поведав (к его изумлению и жуткому трепету) то, что с ним происходило в пути, велел отнести сыр женщине. «Пускай лучше, – молвил он, – им подкрепится душа голодная и опечаленная, чем мы к довольству нашему будем ещё прибавлять излишков». Поэтому Годрик по подобию деяний оказался как бы вторым Елисеем, который с далёкого расстояния узнал, как Гиезий провинился в дороге (см. 4 Цар. 5:20-26). И после того случая все стали бояться красть, понимая, что от него ничего не укроется.

[44] Два родных брата пришли к нему вместе с двумя послушниками, присмотревшись к чьим лицам, Годрик расплакался и предсказал, что иночество сулит тяжкие испытания. «О, сколь страшное падение, – молвил он, – грозит некоторым из нас! Бодрствуйте же и молитесь, дабы в искушение не впасть (ср. Мф. 26:41), но пред лицом Господа в исповедании предстать! (ср. Пс. 94:2. – пер. П. Юнгера)» А они, хоть и поняли жуткое предвещание, но небрежнее, чем следовало, постарались избежать сей участи, ибо не позднее, чем через полгода, один из послушников возвратился в мир, а другой, уличённый в прелюбодеянии, был наказан оскотлением.

[45] Два брата по плоти отплыли в Норвегию, а мать их оплакивала старшего, считая его умершим. И пришла она к отцу со слезами, ища утешения своей скорби. А он сказал ей: «Утешься и не тревожься, дочь моя, ибо сын твой жив; ведь нынче я был в Норвегии и видел, что оба живы-здоровы». По прошествии же нескольких дней прибыл из Норвегии кто-то, и женщина к счастью своему узнала, что всё было именно так, как сказал человек Божий.

[46] Зашёл к нему и некий рыцарь из английской знати, собиравшийся отправиться к королевскому двору. Когда же завёл он речь о короле и состоянии королевства, Годрик предсказал, что в Англии будет править ребёнок. И усомнились тогда присутствовавшие в его словах, но когда вскоре был коронован Генрих («Молодой Король» (1155-1180) был формально коронован в 1170 г. уже после смерти св. Годрика. – прим. пер.), младший сын Генриха II, они объявили, что его пророчества сбылись.

Поистине дивен был он благодатным даром пророческого духа, ибо и будущее знал, как свершившееся, и отдалённое постигал этой силой.

[47] Некий брат, перенесший дизентерию, стал страдать несварениями желудка. Человек Господень, передав ему свой пояс, сказал: «Опяшься сим поясом и выздоровеешь, а когда поправишься, не забудь поспешить ко мне». Удивился тот брат и, уповая на Господа, препоясал немощные члены и избежал верной смерти. И сел он на корабль, ибо был настоятелем монастыря на острове Линдисфарн, и прибыл он в окрестности церкви, что на реке Уир, и хватился пояса и не нашёл его. Основательно обдумав, куда он мог деться, брат понял, что пояс был чудесным образом взят на небеса. Ведь если бы к нему стали прикладываться какие-нибудь больные (как, например, к реликвиям досточтимейшего отца Кутберта) и не

обретали при этом ожидаемого исцеления, то осмеивали бы человека Божия как ни на что не годного.

[48] Женщина некая сокрушалась, что её преследует тяжкое злосчастье, ибо родила троих детей недоношенными. Сострадав ей, святой муж, снял свой пояс и отдал его её мужу, предписав, чтобы жена его препоясалась им в час родов, и при деторождении с нею не случилось прежних невзгод.

Другая женщина тоже страдала от подобных неудач и, опоясавшись тем поясом, в равной мере испытала его чудотворную силу.

[49] Он вылечил знатную даму, страдавшую после родов тяжкой болезнью, передав ей хлеб. А другую исцелил от запора поясом, которым препоясывал чресла свои.

Также и другу одному, когда тот попросил что-нибудь на память в благословение, подарил кусочек пояса, вместо которого использовал обычно лоскутья старых тряпок. Притом посоветовал ему сохранить этот, пускай и невзрачный, подарок, ибо он будет полезен от некоторых недугов.

Был ещё и клирик, у которого непрестанно шла кровь носом, так что и он отчаялся в излечении, и сотоварищи его. Но когда ему обвили поясом голову, кровь тотчас же остановилась, и он совершенно выздоровел от недуга своего.

Да и не было ни одной беременной женщины, которая бы не спаслась при опасных родах, если опоясывали её им.

[50] ГЕРМ.: Пришли издалека некий рыцарь и жена его и, со стонами и слезами бросившись к стопам святого, молили как-нибудь помочь им в беде. На вопрос же его о причине столь далёкого путешествия и такой горести рыцарь ответил, что у него с женой родилось много детей, но никого, кто мог бы утешить их в ветхой старости и закрыть им глаза и воспринять наследство, не осталось в живых: «Ибо каждый из них, едва взглянув на сей мир, внезапно умирал, всякий раз принося нам горе». Слуга же Христов, сострадав беде их, повелел им подождать, пока он им не сообщит какое-либо утешение от Бога, узнав о том на молитве. И тотчас же возвратившись, молвил мужу: «Ступай и приготовь в твоём жилище новую клетушку, где во время родов будет находиться супруга твоя», – а помощнику велел принести пояс. Когда же тот принёс пояс из белой шерсти, Годрик шутливо молвил: «Принеси-ка другой, ибо женщине знатной и пояс причитается познатнее». И дав его женщине, он посоветовал обмотать им своё хрупкое тельце, когда почувствует, что надвигается обычный страх перед родами.

Итак, приняв с благодарностью благословение досточтимого отца, они возвратились домой, ободрённые сладостью его слов, и спасительным поучением, и подарком. И вот женщина стала беременною и родила сына (ср. 4 Цар. 4:17), а потом многое потомство обрела от мужа своего, и древний вор более ни разу не пакостил при родах. Когда ж почил человек Божий, древний враг подумал (как ясно видно из описываемых далее его действий), что сила его иссякла вместе с его жизнью. Ибо когда пришла пора женщине той родить в восьмой раз и родила она сына (что доселе жив), предстал ей ночью во время родов некто рыжий, жуткий с лица и ужасный на вид, и, схватив её руками, пронёс над женщинами, которых от затяжного бдения сморил сон, выбросил в сени. А они, разбуженные шумом падения, по бабьей

бестолковости всполошились, а когда узнали, что случилось с госпожой, крепко испугались.

И вот супостат сей ринулся было к двери, держа в руках завязки от пояса, который он, поднимая [женщину], порвал, но, не в силах вынести наружу, с негодованием бросил их там; и, обратив на роженицу ужасающий взор, удалился, ясно тем дав понять, что огорчён победою женщины и своим постыжением, и что по заступничеству её покровителя никакой силы у него ей вредить больше нет.

Оный пояс и по сей день хранится наследниками в реликварии, окружённый подобающим почитанием; и если иногда среди бесед зайдёт речь о деяниях человека Божия, его представляют в подтверждение тем, кто желает узнать о чуде, причём завязки, пришитые к нему, придают истинности одного ещё больше очевидности.

[51] Некий юноша, несколько лет служивший блаженному старцу, решился в душе и дал обет совершить путешествие в Иерусалим. Отец же сей, узнав о его желании, одобрил паломничество, заявив, что нет ничего блаженнее в этой жизни, чем искать Виновника жизни там, где Он соизволил принести жизнь Свою в искупление за жизнь людей. Ещё Годрик увещевал юношу посоветоваться с каким-либо священником и омыть совесть от мёртвых дел в бане исповеди, молвив: «Бесплодный труд пытаться идти ногами, а в поступи сердца хромать». И вот слуга сделал как повелел господин и, вернувшись к отцу, испросил позволения и благословения. Тут Годрик ему: «Почему ты не сделал, как я приказал?» А он: «Да сделал же: весь дом сердца моего я прилежно вымел и все прегрешения юности и невежества моего, которые смог рассмотреть при зажженном светоче памяти, изверг вон чрез двери исповеди!». Ни сие святой ему: «Нет, не сделал! Остаётся ещё одно: ибо, когда король шотландский с огромной ратью напал на врагов своих, ты и твои сообщники жестоко разграбили посеvy некоего бедного отшельника и снабдили провизией сотоварищей своих, которым не хватало средств. Когда же он подал на них королю жалобу, встревоженный король приказал своим слугам разыскать их и, схватив, привести к нему. Итак, вам после представления приведённых отшельником доказательств предложили выбрать одно из двух: либо клятвою очиститься от обвинений в нечестии, либо принять за такое беззаконие кару – усекновение правой руки. Ну и вы предпочли оскорбить своего Творца лжесвидетельством, нежели в поношение себе навеки лишиться конечностей, и тем совершили два злодеяния, сочетав грех лжесвидетельства с грехом грабежа. Таково то единственное преступление, что доселе ни сердце тебе не взволновало сокрушением, ни уста не поведали в исповеди». Услышав это, юноша пришёл в крайнее изумление и, припав ко стопам отца, со слезами признался в содеянном, молвив: «В ожесточении было сердце моё, и память не смогла то открыть сердечному взору». А потому, хоть написано: «Человек смотрит на лицо, а Бог – на сердце» (ср. 1 Цар. 16:7), - можно спросить, как можно увидеть нечто сокрытое в сердце другого, коль сие само скрывается от того, в ком сокрыто. Но если мы воззрим на силу Святого Духа, то тёмный вопрос разрешается, ведь Тот, перед Кем всякое сердце открыто и (как свидетельствует священное изречение) ничто не останется неизвестным (ср. Коллекта вотивной мессы ко Св. Духу), может, исполнив внутреннее око, дать ему проникнуть в тайну чужого сердца.

[52] Как-то раз, сидя у огня и греясь, велел он отроку выбросить дымящие дрова и подложить тех, что посуше. Когда они угодили в стену соседней постройки, к которой прилежала часовня, сложенная из ветвей и покрытая сеном, постройка та загорелась, а пламя, взметнувшись ввысь, всё засыпало летящими искрами. Тогда старец вышел и, воззрев на небо, со слезами предался молитве; и дивным образом силою сокрушения своего он погасил огонь, как будто поток воды пролился из глаз его на пожар.

[53] Некий брат из Цистерцианского ордена, мучимый тяжким плотским искушением, в конце концов угодил в яму блуда. И хотя он часто прибегал к лекарству исповеди и дух очищал слезами и постом, однако при последующем натиске искушения отверг эти омовения и не смог удержаться от блудного падения плоти. Когда же к человеку Божию пришёл аббат его, пришёл и он и, сев напротив, поведал ему о себе под видом рассказа о застарелом пороке и отчаянии одного своего друга, спросив, не подаст ли отец какого спасительного совета, а он передал бы его тому. Годрик же, устремив на него свой взор, молвил: «Что ж ты, брат, затеял эдакое? Прекрати, немедля прекрати! Ведь не должно более повторять греха, что и для Бога, и для человеков мерзок». На что брат: «Господин, то не я; о другом шла речь!» А Годрик ему: «Воистину, ты сам и есть тот, кто соделал то-то и то-то». Уразумев, что попался, и спасительно устыдившись, он пал к стопам отца и молил о милости. А святой, уделив ему благословение, молвил: «Поднимись и ступай с аббатом своим! А там уж Бог Всемогущий простит тебе сей великий грех и не попустит более им оскверняться, однако потерпишь много палящих мук в плоти, жалящих уязвлений в сердце и разящих стрел вражиих».

Итак, брат ушёл и, сколько бы раз ни трепали его бури искушений, больше – по слову человека Божия – не осквернился и как бы сказал вслед за пророком: «Сильно толкнули меня, чтобы я упал, но Господь поддержал меня» (Пс. 117:13). Впоследствии он стал аббатом и, хотя когда-то даже с самим собой не мог справиться, вспомоществуемый молитвами святого отца, удостоился благодаря достойному житию своему быть отцом многим.

[54] Когда к отцу сему пришёл Адса, аббат Фернесский, он встретил его с радостью и, сотворив по обычаю молитву, принял его с лобзанием мира. И когда воссели они, а вокруг расположились пришедшие вместе с аббатом иноки, человек Господень, желая знать, не поведает ли аббат по богатству обитающей в нём благодати что-нибудь утешительное или поучительное, начал так: «Сегодня, отче, во время молитвы предстала мне некая вроде бы женщина на вид, но не похожая на тех, кто воспитан в сем мире: облачённая в зелёные одежды, притом непричёсанная и с чёрным платком вокруг шеи, своим потупленным взором и смиренной поступью она являла видимость благоговения. И вот она преклонила колени, поцеловала землю, стала бить себя в грудь и всячески выказывать истинное сокрушение. Зрелище сие мне крайне докучало, и, встав, я попытался выпроводить её. «Пооди, – молвил я, – прочь, отойди от меня, пища смерти, и топливо греха, и глава всякого беззакония!» Но чем сильнее я настаивал, тем смелее она себя вела. Когда же слов оказалось недостаточно, я добавил: «Изыди во имя Святой Троицы!» Едва я сказал это, она тут же исчезла. До того, как она вошла, мне было хорошо наедине с собою: не тревожило мысль мою никакое волнение, ни плоть мою никакое беспокойство; а пока она была

со мной, я чувствовал, что становлюсь небрежнее в молитвах и размышлениях, и душу мне томило некое тоскливое ощущение. Но когда она удалилась, я пришёл в себя, а придя, стал сам собой. Итак, вам, в чьи пастырские обязанности входит простоту нашу примерами святых отцов просвещать и суждениями их наставлять, подобает сказать, что делать немощи нашей, если явится какое-нибудь диковинное искушение такого рода?» И сказал аббат: «То, что казалось женщиной, ею не было, ибо злой дух явился в образе женском, дабы созерцанием сего воспламенить искру плоти, а пылом плотским угасить пыл твоего благочестия. Также и наш предчувствуя приход, он замышлял что-нибудь, дабы воспрепятствовать духовному назиданию либо хотя бы вашему благополучию навредить». На что Годрик ему: «Поистине, отче, так и есть!» Услышав сие, братия изумились, сказав: «Поистине, сей есть слуга Божий!»

[55] РЕГ.: Пришли к келлии Годрика некий селянин и жена его, принеся с собою умершую дочь (они завернули её в мешок, чтобы не дать остыть), и стояли снаружи, ожидая в молчании. Когда он, наконец, вышел, они встретили его со слезами, а мешок с тельцем выложили пред его стопами, умоляя сжалиться и воскресить их дочь. При виде сего отец замер и, крайне ужаснувшись, отвратился. Сказав затем, что таковые чудеса творить свыше его сил, отверг их слёзные просьбы и велел удалиться. Они однако внесли тело в церковь и, оставив подле алтаря, заявили, что либо он силою Божией возвратит им покойницу к жизни, либо по-человечески погребёт её.

Итак, вечером святой муж возвратился с работы своей и, обнаружив тело, взмолился ко Господу, прося, дабы не смотрел Он на грехи его, но утвердил веру людей тех чудесным даром Своим. И вот рано на рассвете третьего дня святой, встав от молитвы, слышал рядом какой-то шум и, взглянув в сторону алтаря, увидел, что девочка, выбравшись из мешка, идёт вдоль стены. Втайне пригласив родителей, он вернул им живую дочь и заповедал хранить вечное молчание об этом чуде, пока он будет жив. Причём, как святой не раз рассказывал брату Регинальду, он заметил, что никогда ещё не чувствовал такого угнетённого состояния тела и духа, как тогда.

[56] Древний враг, принявший облик прекрасной женщины, подкрадывался к сидевшему иноку и назойливо стремился попасться ему на глаза, пока в конце концов не разразился пустыми словами: «Ну и кого ты из себя строишь, Годрик, недостойно присвоив себе имя пустытника и вводя в заблуждение простосердечных?!» На что святой ей: «Слухи о заслугах моих ничего не стоят, ибо я человек грешный». А она: «Чего ж ты так сторишишь обществу женщин, хотя был зачат в их срамоте, да и собственными нечистотами мерзок?» А он ответил: «Со служительницами Христовыми я обращаюсь со всей честью, а распутниц отвращаюсь и страшусь как дочерей погибели, и если ты не то, чем притворяешься, во имя Господа нашего Иисуса Христа повелеваю тебе бежать!» И она тотчас скрылась с глаз, быстротою ухода выдав, что поистине была мороком дьявольским.

[57] Как-то Годрик заснул, и некто предстал ему, говоря: «Вставай и копай и возьми сокровище, которое найдешь в оном месте, ибо мы сохранили его для тебя». Проснувшись, святой стал обдумывать, что же делать, зная, что хорошо приобретать друзей богатством неправедным (ср. Лк. 16:9). Наконец благочестивая рачительность победила; он встал и принялся копать, и проник глубоко в почву. И

вот, из-под комьев взрытого дёрна повыскакивали черные мальчишки и, хохоча, забросали его дымящимися шариками. Разглядев же, что это не дети, а бесы, Годрик молвил: «Прочь, прочь! Что ваше, забирайте и держите при себе; серебро сокровища вашего да будет в погибель с вами (Деян. 8:20)!»

И до такой меры он после сего укротил в себе попечение, что никогда не пытался запасать ни золота никакого, ни серебра, и не прикасался к ним, так что дух сребролюбия, однажды пытавшийся над ним посмеяться, своим покушением сам себе нанёс вечное поражение.

[58] Той осенью, когда Годрик ходил по своему саду и собирал яблоки, которые раздавал приходившим к нему беднякам, явился среди них и сатана, который, обойдя вокруг изгороди и тщательно осмотрев, что было внутри, воскликнул: «Отшельник, а отшельник! Дай-ка нам твоих яблок!» Услышав же его голос и поняв, что это не просьба нищего, а морок изменника, святой ответил: «Напрасно просишь, коли не ради любви!» А тот крикнул: «Да ради любви, ради любви..!», - причём не произнося отчётливо «любви», а, скорее, коверкая: «бльви» - ведь он даже слово «любовь» выговорить не мог, не имея понятия о действии сей добродетели. Тогда святой заколебался и стал размышлять, как поступить: опасался давать и не мог отказать. Ведь если бы дал, то неким образом повиновался бы велению искусителя, а если бы отказал, то, по-видимому, оскорбил бы ту [благодать], что получил в любви. Впрочем, он знал, что написано: «Всякому, просящему у тебя, давай» (Лк. 6:30), - а потому решил, что в [милостыне ради] любви не должно отказывать никому, даже самому Врагу, пускай тот и затевает обман, беря повод в любви [к ближнему]. Поэтому он подал ему три яблока во имя Святой Троицы, сказав: «Возьми, и ешь, и благодари Бога!» Взяв их, искуситель посмотрел на Годрика страшными глазами и с усмешкой спросил: «Разве не ты хозяин этого участка?» А тот ему: «Не я, а Христос». Тогда искуситель: «Ты святой Отшельник?» А он сказал: «Я не святой, а раб ничего не стоящий (ср. Лк. 17:10) и недостойный; а в пустыни сей обширной живу, дабы оплакивать грехи свои». При сих смиренных ответах побеждённый враг удалился и наполнил всё то место великим смрадом, и оставил после себя такую здоровенную кучу дерьма, что святой муж, увидев, какая она огромная, обомлел от крайнего ужаса.

[59] Поскольку он одержал бесчисленные победы над врагом, тот затевал бесчисленные ухищрения, чтобы ему навредить. И вот явился он в телесном облике обычного для себя размера, обвешанный спереди и сзади множеством бутылочек, как бы скреплённых бечёвками. И войдя в келлию, он, доставая то одну, то другую, предлагал святому мужу отведать. Тот же, предчувствуя неприятности, резко отказался и сказал стоявшему рядом отроку: «Поди-ка окропи его святой водой, а когда увидишь, что он выходит из церкви, смотри, не следуй за ним за порог». Тот сделал, как было велено, и окропил врага, но, пренебрегши приказом отца, выбежал за неприятелем наружу, а тот, с негодованием глянув на отрока, влил в рот ему каплю из одной из бутылочек и с усмешкой исчез. И начали у него всё сильнее опухать шея и горло, а во рту, на языке и в гортани три дня было смертельно горько, будто он принял яд. Поэтому он пришёл к отцу и, покаявшись в своем непослушании, получил благословение и, полностью свободный от греха, выздоровел также и от недуга.

[60] Притом обычно в келлию его входила такая толпа бесов, что по множеству их и не счесть было. Ибо они не обнаруживали никаких отчётливых очертаний: они, как бывает в поэтических измышлениях, с пёстрой беспорядочностью смешивали человеческую и звериную природу, а иногда представлялись не как люди и не как звери, а как невесть чем набитые мешки, которые падали, и скакали, и изрыгали богохульные слова. Всякий же раз, как они появлялись, Годрик по обыкновению с негодованием вздыхал и, следя за ними взглядами, сообщал, куда они направляются. Однажды увидел их подобным образом и вышеупомянутый юноша и, обнаружив, сколь различными обликами они морочат наставника, оградил себя крестным знаменем и, решив, что может, взявшись за топор, разогнать их, в присутствии братьев, которые, ничего не видя, дивились его выдержке, глубоко всадил лезвие в стену.

Тот же отрок ещё и ухаживал за болевшим отцом и кормил его густой бобовой похлёбкой. А дрянной дух, подскочив, выбил тарелку из руки державшего её и, повергнув его в испуг и трепет, с величайшим шумом растворился в воздухе.

Ещё предстал ему однажды ужасный дух и сказал: «Поскольку, Годрик, не дано мне власти нападать на тебя, то попускается мне поражать население края сего мором и голодом, а потому я сокрушу и разорю всё, что родится от земли!» И тотчас вышел, и изрыгнул из пасти своей черные и густые тучи, а за ливнем последовало такое наводнение, что промокшие всходы не дали обычного урожая, а жители Нортумбрии, согрешившие неблагодарностью за милости Божии, стали чахнуть от тяжкого голода. После сего явилась ему некая женщина неопишуемого облика и напустила гнусных видений, но когда он взмолился, дьявольская образина, смутившись, удалилась. Ибо, как он говорил, во время молитвы его часто укрепляло ангельское видение, а келлия его иногда озарялась небесным светом. И всякий раз, как он удостоивался явления божественного света, сие было знаменем того, что он услышан.

Когда ж его иногда спрашивали, почему злые духи могут проникать в пределы церкви, он заявлял, что видел, как бесы забираются по алтарю на Святые Дары, часто выскакивают из дарохранильницы и нагло собираются по бокам алтаря во время литургического богослужения. Также не раз бывало, что они не убегали от святой воды, а терпеливо сносили окропление ею и соприкосновение. И даровал ему Господь великую силу изгонять нечистых духов, и весь ход его жизни был схваткой с ними и с князем их.

[61] Во время всесвятого литургического богослужения он увидел в духе, как за край алтаря низошло свыше пальмовое древо, на верхушке которого восседала большая птица несравненной красоты и с восторгом пристальнейше взирала на небесные священнодействия. А по завершении мессы птица вместе с деревом, вознесшись ввысь, скрылась от взора святого мужа.

И не стоит дивиться тому, что удостоился он созерцать таковое видение, ведь весьма часто во время литургического тайнодействия он видел Господа Иисуса во плоти, [нисходящего] к нему на алтарь, а затем восходящего на небеса, дабы воссесть одесную Отца.

А ещё однажды Годрик наблюдал, как Господь Иисус чудесным образом вышел из образа [хлеба] весь залитый кровью – точно как тогда, когда стал жертвой для нас и был пригвождён к древу крестному.

[62] Бедняк, гонимый холодом, вернулся из леса, не закончив работы, а когда жена принялась ворчать, ранил её палкой в голову. Утром он пришёл к блаженному мужу и тот укорил его, подробно рассказав, как он грубо он поступил с супругой. Он презрительно изумился, дивясь, как сие стало известно святому мужу в его отсутствие, и, признав вину свою, получил прощение на том условии, что ничего такого больше не позволит себе в отношении той, с кем делит ложе.

ГЛАВА VI. РАЗЛИЧНЫЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ СВ. ФОМЕ КЕНТЕРБЕРИЙСКОМУ. НЕБЕСНЫЕ ПОСЕЩЕНИЯ. БОЛЕЗНЬ, КОНЧИНА, ПОГРЕБЕНИЕ.

[63] РЕГ.: Пришёл к слуге Господнему Годрику некий монах из Вестминстерской киновии и помимо множества волнующих вопросов стал выпытывать, что случится с помощником его, которому предстояло явиться на [судебный] поединок: не окончат ли он дни свои на виселице? На что человек Господень молвил: «Зря ты думаешь, что он лишится жизни или имущества, нет, весьма скоро восстановится мир с его противниками, и вся эта вражда прекратится». Когда же монах обрадовался услышанному, святой спросил, не знаком ли он с недавно возведённым в сан архиереем Кентерберийским – Фомою. А он удивился тому, что Годрик спрашивает о человеке, совершенно ему не известном, признался, что они обоюдно знакомы, и молвил: «Отче, так и ты его знаешь?» На что человек Божий: «Вообще-то, глазами телесными я этого человека не видал, но глазами сердца часто созерцал его; и воочию я безо всякого указания узнал бы его в лицо даже в ряду многих». Изумился монах и под действием страха не решался спрашивать более. Но потом святой муж продолжил: «Должен я кое-что поведать этому архиепископу, а потому решил вверить сию тайну тебе, рассчитывая на твою верность, дабы ты передал ему». Когда монах охотно на то согласился, коль скоро так будет хорошо и полезно, старец с улыбкой сказал: «Я желаю ему только всего самого доброго, однако ты, не забыв приветствовать его, от моего имени настойчиво посоветуй ему не отказываться от того, что задумал сделать Богу угодного и приятного, хотя и претерпит много лишений и невзгод. Потому что, будучи извержен из своей епархии, он отправится в чужие края в долговременное изгнание, а когда время его испытаний окончится, он вернется на свой престол с большей честью, чем при уходе». Всё сие брат оный сообщил архиепископу. А тот, благоговейно выслушав заповедь преподобного, отправил ему письмо, исполненное сладостных слов нежной привязанности, а также отпущение грехов, о котором святой просил чрез упомянутого брата, и сам ревностно вверил себя его братскому расположению и молитвам.

И вот через шесть месяцев, после того как между королем и архиепископом возник спор о вольностях Церкви, архиепископ вместе со своими последователями был приговорен к изгнанию, и убедился, как верны были пророчества человека Божия о многих несчастиях. Когда ж он был изгнан на несколько лет, упомянутый брат, направляясь в западные пределы, захотел побеседовать с достопамятным отцом и спросил, сколько продлится прискорбное изгнание архиепископа, ведь день ото дня жизнь его всё чаще подвергается возрастающим угрозам и нет никакой надежды на

его восстановление в должности или возвращение. На что святой ему: «Долго тянется время для всякого, кто, страдая под игом невзгод, ожидает благодатного покоя; однако прежде он исполнит срок испытаний своих, а тогда, договорившись с королём, вёрнётся домой».

Ну а за день до мученичества славного архиерея сей брат пришел в Кентербери и осведомился у владыки архиепископа, помнит ли он что-нибудь из того, что чрез его посредство заповедывал прежде ему отшельник Годрик. На что владыка архиепископ ему: «Отлично помню, но он уже преставился от мира ко Господу, и мы отпевали его, хотя он и не нуждается в наших молитвах, потому что счастливо царствует со Христом на небесах. А со мною случилось всё так, как он предсказывал, ибо я, будучи всего лишь архиепископом Кентерберийским, подвергся изгнанию, а ныне вернулся в Англию легатом всей Англии».

[64] Владыка Кентерберийский, ещё пребывая во Франции, истомлённый своим затяжным изгнанием тайно направил гонца к досточтимому отшельнику, дабы (поскольку дух пророчества его обильно научает) спросить у него, когда всё же настанет конец скорбям, доставляемым ему лютостью нечестивых. И вот [гонец] уже стал пред дверями, а человек Господень выслал посредника встретить его, с душевным волнением молвив: «Чего требует от нас оный [владыка] Кентерберийский? Не ищет ли он здесь пророка? Дивлюсь, как великий человек дошёл до такого скудоумия! Мудрейший посылает [гонца за советом] к дураку, святейший – к распоследнему грешнику, примас Англии – к деревенщине...»

Тем временем гонец истомился, потому что не был допускаем к разговору со святым в течение почти восьми дней, и его безделье всё затягивалось, в то время как приложенные труды не увенчались успехом. Тогда он разразился руганью, молвив: «Я таких стариков не видал и ни разу не сталкивался с таким старческим нахальством! Стучу, а он не открывает; зову, а он не слышит; посылаю к нему, а он не принимает. Итак, придётся возвращаться, хотя, если я явлюсь с пустыми руками, не получу награды». Годрик же, не в силах долее таить зажжённый светильник божественного вдохновения под сосудом молчания, решил рассказать ему. Когда гонец вошел, святой муж молвил ему: «Вернись и скажи своему господину постараться бодрствовать оком сердца, дабы буря грядущего искушения не привела его в замешательство. Ибо я возвещаю ему и веселие, и печаль. Веселие о том, что в ближайшем будущем он достигнет королевского расположения и с величайшими почестями возвратится в свою епархию и к пастве своей, и больше радости принесёт всем англичанам его приезд, чем прежде доставил горести отъезд его в изгнание. А печаль – оттого что посреди той якобы ясной погоды внезапно явится туча неслыханного беззакония и жестокости – но тогда Годрик уже не будет жить во плоти. Передай же и несколько раз повтори, что в девятимесячный срок конец постигнет его со всех сторон. Когда он услышит сие, то уразумеет и тайну сказанного». И, получив благословение, гонец отбыл.

И стало так. По прошествии примерно двух месяцев человек Господень Годрик преставился из жизни сей, а досточтимый архиепископ, сраженный, по предсказанию человека Божия, мечами нечестивых внутри церкви, словно бы в объятиях матери, почил в славном мученичестве, а погибнув один, многих вывел на свободу.

[65] Некий отшельник пришёл к достопамятному отцу и попросил совета об участке, недавно дарованном ему для обитания предстоятелем Даремским. Годрик же описал ему местоположение того участка и объяснил, сколь удобен и пригоден он будет для святого подвизания. Слыша сие, отшельник дивился, что святой рассуждал так, будто охватил всё телесным взором. Улыбнувшись на то, отец молвил: «Сегодня я проходил мимо того участка и обследовал каждый уголок».

Ибо говорили о нём, что в десятилетие перед кончиной он знал об отдалённых, причём даже большим промежутком, событиях, как о свершающихся в его присутствии, и обо всём, что творилось окрест в пределах десяти миль; а также дарованной свыше силою прозревал корабли в море, порой – терпевшие крушение, и всякий раз призывал присутствующих молиться за них, а когда они благополучно добирались о берега – благодарить.

[66] Рассказывали, что навещала его Пресвятая Богородица Мария вместе с Марией Магдалиной и научила его некоей песенке ангельской, дабы всякий раз, когда в душу ему закрадывалась какая-нибудь печаль, он мог утешаться ею, а слова сей песенки таковы:

Святая Мария, Годрику Твоему милостиво помоги,

Удостой его до высот Твоего престола добраться.

Сообщали также, что святой Иоанн Креститель часто наставлял его в небесных тайнах и провещевал о грядущем и что он много раз видел Святого Духа в телесном образе, а также многократно созерцал ангельские видения и часто голос свой присоединял к их сладостным песнопениям. Говорят, некоторым он показывал грехи их, а также предвещал, когда надвигалась опасность голода. Многим он поправил здоровье или молитвами своими, или прикосновением рук своих, или дыханием уст своих, или волосами бороды своей; а также многократно силою молитвы подавлял огонь пагубный. Он часто пользовался итальянским языком и переводил не понимающим его, а тем, кто говорил на латыни, отвечал по-английски, разумея, чего они хотят. Тот, кто желает знать об этом подробнее, пускай почитает книгу Регинальда, в которой очень много написано об этом и многом другом, и удовлетворит своё любопытство, а с меня довольно привести из всего этого лишь отдельные примеры, указывающие на его святость и побуждающие подражать его подвижничеству, ведь я же не обещал вам, что буду многоречив, но что буду краток, а потому опасаясь нарушить меру. Ибо же как язык в потоке речи легко погрешает (ср. Сир. 19:17), так и усердное желание (ср. 2 Кор. 8:11) в многословии легко сбивается с пути.

[67] Истомлённый старостью, Годрик, подвижник Господень, заболев, слёг в постель, и поскольку сам он лишился сил, другие распорядились им. Немошь телесная день ото дня возрастала, ибо недуг отягчался ветхостью преклонных лет, однако он охотно хвалился немощами своими (ср. 2 Кор. 12:9), поскольку немощь плотская укрепляет совершенство. Он весь распух снаружи от подкожного отёка и лишился подвижности суставов, а чрево его терзала такая боль, что казалось, будто там черви снуют туда и сюда, пожирая внутренности. С этого времени братия Даремской киновии стали чаще навещать отца, желая утешить его. А некоему брату, спросившему его о самочувствии, он ответил: «Ещё немножко побудет с вами

Годрик, однако подготовьтесь как следует к моей кончине». Тогда приор назначил двух братьев, которые усердно помогали ему и ухаживали за ним, когда того требовала болезнь. Когда же он стал совсем плох и думали, что вот-вот преставится, лицо его стало внезапно радостнее обычного, а всё тело – бодрее. Братия же изумлялись. ГЕРМ.: «Что это?! – молвят они. – Вот, мы слышим, что он поёт – тот, кого мы недавно держали на руках почти бездыханного. Старец обезумел или взирает на что-то духовное, чего мы недостойны созерцать. Помолчимте до завтра!» РЕГ.: Придя же утром, сказали: «Сударь, сладкозвучно ли было то, что ты ночью услышал, и светозарно ли было то, что ты увидел?» На что он им: «Право, чада мои, я из-за этого не мог удержать дух свой от пения, ибо великий свет просиял через восточное окно, а грудь мою наполнило столь сладостное благоухание, что я подумал, будто по благодати мне возвратилось здоровье. Ещё мне виделось, будто я подступил ко вратам Небесного Иерусалима и причастился блаженства ангелов, и небожители воспели «Господи, помилуй! Христе, помилуй!», и присоединил я свой голос к их голосам, и почерпнул той же радости.

[68] Однажды, когда братия, назначенные в услужение ему, сидели рядом с ним, молвил он одному из них, который был постарше: «Ты не видишь того, что вижу я? Рядом с тобою стоит враг в обличии красивой женщины, которая задумала нынче вечером лечь с тобою в постель; будь осторожен, как бы не превозмогла – запечатай себе сердце!» Тот утратился и не посмел отойти от ложа старца. А брат помладше подбежал, окропил всё в храме святой водой и прогнал врага. Возможно, то, что внешне явилось в женском обличии, таилось у брата в сердце, а святой, обнаружив сие, удержал предсказанием пожар, который, как он знал, должен был бы случиться, не предостереги он о том. А если бы он знал и промолчал, то искуситель, воспользовавшись его молчанием, надругался бы над братом.

[69] И вот, когда он, сломленный старостью и немощью, слёг, то Дух открыл ему око сердца, и сказал он окружавшим его: «Чего это бабы полезли в мою запруду? Ни одна баба доселе не появлялась там. Эх, если бы позволяли мне, как прежде, силы телесные, встал бы я да погнал их оттуда». Ну а некий брат из Дарема, желая узнать, правда ли то, что он сказал, послал туда гонца, и тот, найдя в запруде, как Годрик и предсказывал, баб, спугнул их и, вернувшись, рассказал о случившемся брату, и все дивились.

[70] В течение восьми лет телесных страданий его противники не переставали люто нападать на него. Он всё чаще кричал: «Вот мчатся львы рыкающие, и хищные волки острят на меня зубы свои; вот ежи пронзают меня иглами своими; вот нападают на меня с копьями, и стрелами огненными нороят пронзить меня, и горящие факелы бросают в меня».

И явились два чёрта с кроватью, подобной младенческой колыбели, и сказали: «Вот, мы пришли унести тебя с собою в ад, потому что ты помешанный старик и из разумного мужа стал неразумным ребёнком». А он перекрестил их и обратился к молитве. Силы коей не вынеся, они тотчас же обратились в бегство и канули в бездну, откуда пришли.

[71] А в другой раз, когда он возлежал в молельне своей, глава всех беззаконий диавол выскочил из-за угла и, как казалось, стал трясти мечом огненным над челом его, а из ужасной пасти его доносился рёв, будто он собирался проглотить его. Из дым едкий валил пасти его, будто из пылающей печи, а глазищи были распахнуты, растарачившись аж на два локтя. И молвил он: «Вот, Годрик, я, князь бесовский, иду разрубить тебя пополам и увлечь дух твой с собою в пекло». И тут случилось такое диво, какового отцу никогда прежде явлено не было! Ибо, как было с Самсоном многомогущим, сошел на него Дух Господень (Суд. 14:6), и в приливе сил вскочил он с подстилки и нагой с нагим вступил в необычайную схватку (ср. *Pia dictamina, Horae de Passione Domini, Ad Sextam, 2*). С первого часа дня до девятого длился бой. Трижды враг нападал на него и каждый раз терпел поражение от упорного воина Христова. Голоса боровшихся доносились наружу, ибо диавол кричал: «Хотя ты доселе обманывал сотоварищей моих, меня впредь не обманешь, ибо я окончательно погублю тебя жестокой смертью!» Годрик же возражал: «Господь мне помощник (Пс. 117:7) и победитель всесильный, а от тебя, проклятый, и всех сообщников твоих я отрекаюсь и никаких лукавых проделок твоих не страшусь!»

В другой раз, когда он был один, искуситель, сбросив его с постели, крепко ударил скамеечкой по голове. И закричал: «Монах! Монах, беги!» Брат, отошедший незадолго до того, подбежал и, обнаружив у него на голове шишку, изумился. Узнав же в итоге, что произошло, он понял, с какой ненавистью преследовал его враг и сколько испытаний попустила милость Божия слуге Своему.

А посреди стольких борений, мучительных превратностей и скорбей сердечных, он утешаем был частыми явлениями небожителей.

[72] Ибо же как-то раз, сидя в одиночестве, воспел он громким голосом и сказал: «Добро пожаловать, Симон!» И удивительным образом (ибо прежде он не мог сего сделать без поддержки помощников) полуприсел и, как бы приветствуя приехавшего друга, весело улыбнулся и повторил потише: «Добро пожаловать, Симон, добро пожаловать, Симон...»

Сидя у порога церкви, братия могли различить голоса двух человек, разговаривающих друг с другом, но не могли разобрать слов и распознать личность второго собеседника.

Через некоторое время Годрик возвёл очи к небу и весь подался в сторону увиденного. Когда он наконец пришел в себя, братия подошли к нему и стали спрашивать, кого он назвал Симоном. На что он ответил им: «Симон Пётр пришёл утешить меня в беде и в беседе поведал мне тайны некие, коих язык изъяснить не в силах».

[73] Итак, Годрик, человек Господень, предвидел свою смерть заблаговременно и объявил день и час её некоему славному мужу Роберту из Хамундвилля. Причём в год кончины в начале поста Четырнадцатницы огонь скорби земной стал его мучить сильнее обычного, готовя его к радостям вышнего блаженства, а в итоге столь глубокая немощ овладела им изнутри, что он едва мог говорить.

Приближался восьмой день по Вознесении Господнем, когда, согласно его предсказанию, предстояло ему достичь «восьмого дня» вечного блаженства, и велел

он накануне братии не отлучаться от него и исполнять должные обряды христианской веры, и, ожидая часа разрешения его, усерднее предварять оный молитвами благоговейными.

По прошествии той ночи, наутро при восходе солнца святой муж, преставившись от века сего, соединился духом с Солнцем правды. Причём лицо усопшего не утратило прежнего милого румянца и сохранило прижизненную красу. И нет сомнения, что встретить дух его явились небесные духи, кои при жизни его не раз утешали беседами своими и помощью.

[74] И вот, прослышав о кончине досточтимого отца, весь город пришел в волнение, и как мужчины, так и женщины толпами стекались на панихиду по нём. Пришел также приор Герман с братией, каковые, подняв из праха досточтимое тело отца, омыли его и одели в новую сорочку, затем – во власяницу и, наконец, подобающим образом облачили в рясу с капюшоном. Ноги оставили совсем босыми, ибо собравшаяся толпа постоянно наперебой рвалась лобызать их.

Были среди верующих и такие, что требовали дать им частицу останков, и под таким принуждением братия стали под корень срезать ногти на пальцах ног, и дивным образом, как будто из живого тела, брызнула кровь, забрызгав им руки.

На следующее утро на раненой ноге всё ещё оставалась свежая капля, и когда один из братии, лобызая святые стопы, коснулся её губами, то исцелился от язвенной болезни, которой страдал долгое время, и после этого не испытывал приступов вышеназванной болезни.

И вот упомянутый приор и монахи решили провезти останки святого отца по святым местам, дабы народ, ожидавший снаружи, мог прикоснуться к ним или хотя бы насмотреться вдоволь. По завершении сего они положили досточтимые останки в каменную гробницу глубоко в земле, и усопший упокоился на том самом месте, где стоял одр болезни его.

Преставился Годрик, человек Господень, в тысяча сто семидесятом году от воплощения Господа, на шестидесятом году своего отшельнического подвига, на шестнадцатом году правления короля Генриха II, на семнадцатом году епископства владыки Гуго, в двенадцатый день до июньских календ, в четверг, в восьмой день Вознесения Господня. Да простятся по заслугам его грехи наши и да обретём мы ради них с изволения Господа в будущем веке жизнь вечную. Аминь.

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова